

АМЕЛИЯ
ГРЭММ

МЕРТВЫМ
ЗДЕСЬ
НЕ МЕСТО

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Хроники Инферсити

Амелия Грэмм

Мертвая голова

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грэмм А.

Мертвая голова / А. Грэмм — «Эксмо», 2022 — (Хроники Инферсити)

ISBN 978-5-04-166484-8

Флинн умер, но вернулся в мир живых. Теперь его ждет Инферсити — жестокий и двуликий город, который он так ненавидел. По мрачным улицам там бродят те, кто притворяется людьми, но в чьих сердцах давно живет лишь крошечная тьма. Они смогли обмануть саму Смерть, но им больше не место среди живых. Чтобы вернуть власть над своей судьбой, Флинн должен поймать их и заключить в тюрьму на границе миров. Отныне ему предстоит бороться не с собственными демонами, а с чужими; и если он не справится, то весь Инферсити сгорит в огне Безумия. Вторая книга цикла «Хроники Инферсити», в котором каждая из книг названа по роду бабочек. Мертвая голова — предвестница несчастий, что она принесет нашим героям? Флинн Морфо продолжает свой путь. Новые герои и призраки прошлого, чужие демоны и собственные страхи. И Инферсити... все такой же, темный и беспощадный. «Мертвая голова» — роман, который продолжает трилогию о юноше Флинне, попавшем в загробный мир. Но в то же время эту книгу можно читать отдельно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166484-8

© Грэмм А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	12
3	16
4	20
5	25
6	30
7	34
8	40
9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Амелия Грэмм

Мертвая голова

© Грэмм А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Первая Тьма

Флинну никогда не везло. Сколько он себя помнил, удача предпочитала держаться от него подальше, а вот всякого рода неприятности, наоборот, шли за ним по пятам. Сначала Флинн связался с бандой отморозков, потом умер от руки одного из этих отморозков, но, к счастью, не исчез в бесконечной тьме, а оказался в загробном мире. Но и тут ему не повезло: он провалил испытание, которое должен был пройти, чтобы попасть в лучшее место, и после этого отдал собственную судьбу крайне подозрительному типу (кто он такой, зачем ему чужая судьба – сплошная загадка).

И вот сейчас Флинн находился в одном лифте с загробным судьей и своей Смертью и пристально всматривался во тьму, которая простиралась за пределами кабины. Тьма отвечала ему тем же: она тоже внимательно изучала Флинна.

– Как это?.. Меня ждет Инферсити?

– Да, все верно, – подтвердил Танат.

– Но ведь вы говорили, что вернуться в мир живых я не смогу, как бы ни старался. – Флинн никак не мог оторвать глаз от тьмы, он даже разговаривал с трудом – настолько она пленила его разум. – Получается, вы все же обманули, когда сказали, что Смерть не умеет лгать?

– Нет, я всегда говорю чистую правду, – ответил Танат. – Ты не можешь вернуться в свою прошлую жизнь, в свое прошлое тело, но ты можешь получить новое.

– Как это? – Флинн так резко обернулся, что голова закружилась.

– Господин Морфо, меньше слов, больше дела! – бодро заговорил господин Аяк. – Оставьте все вопросы на потом. Клянусь, вас никто не будет держать в неведении, точно в клетке. А сейчас вы задерживаете лифт. Он у нас, если вы не забыли, один на все Потусторонье. Другие души ждут! Я, конечно, не наш жадный повелитель времени Эон и не прочь подарить вам пару лишних минут, но если мы не поторопимся, то нас ждет ужаснейшая пробка. Хуже, чем в пятницу вечером! Поверьте, вы вряд ли захотите встречаться со всеми теми несчастными, которых, в отличие от вас, ожидает Лимб. Будьте так добры, пошевеливайтесь! – Господин Аяк положил руки на плечи Флинна и начал выпихивать его из лифта.

– Но куда мне идти?! Тут же нет дороги – сплошная тьма! – испуганно воскликнул Флинн, чувствуя себя птенцом, которого решили вытолкнуть из гнезда. Вот только летать он не умел.

– Ой, точно! Прошу прощения! – вдруг опомнился господин Аяк. Он перестал давить на плечи Флинна и хлопнул себя по лбу с такой силой, что раздалось эхо. Оно недолго пометалось по золотой кабине и пропало. – Господин Танат, ну почему же вы меня не остановили? Еще немного – и мы бы потеряли нашего драгоценного господина Морфо в этом бесконечном мраке. Граф Л нам бы этого не простил! У него и так проблемы с кадрами!

– Флинн, достань из кармана путеводитель и попроси отвести тебя к Властелину Смерти, – равнодушно произнес Танат.

– А разве мы не собирались в Инферсити? – дрогнувшим голосом спросил Флинн, находясь в еще большей растерянности, чем раньше.

– Да, собирались, но, чтобы попасть в мир живых, ты должен получить разрешение покинуть мир мертвых. А его может дать только Властелин Смерти, – ответил Танат, с бесстрастным лицом вглядываясь во тьму. Казалось, что в его глазах таилась та же абсолютная, всепоглощающая чернота, которая царила снаружи.

Флинн вспомнил, как однажды упал в глаза своей Смерти, а потом так долго летел во мраке и одиночестве, что успел забыть собственное имя. Когда же он вернулся из той страшной бездны, весь мир стал для него другим.

Его руки и ноги пронзили невидимые иглы, а спину окатило ледяным холодом, и он вздрогнул. Отгоняя жуткие воспоминания, Флинн достал маленькую темно-серую книжечку с золотым клубком ниток на обложке, раскрыл ее и тихо произнес:

– Ариадна, отведи меня к Властелину Смерти.

Под ногами появилась сияющая золотая тропа. Она скользнула за пределы кабины и растаяла, поманив в далекую тьму.

Господин Аяк повернул Флинна к себе лицом, схватил его руку и энергично потряс ее, а после сказал:

– Ах, господин Морфо, я несказанно рад, что мне посчастливилось быть судьей вашей бессмертной души! Честно, так редко встречаешь настолько самоотверженных глупцов. Подумать только! Отдать собственную судьбу ради счастья близкого человека – на это не всякий решится. Это так трогательно. – Господин Аяк выудил из кармана пиджака розовый платок и громко высморкался в него. – И знайте, что в Чистилище вам всегда рады! Не забывайте нас, заходите, когда будет время, а если вдруг не найдется и пары свободных минуток, то нам обоим прекрасно известно, у кого всегда можно позаимствовать хоть целую вечность. – Господин Аяк задорно подмигнул, видимо намекая на Эона, у которого он постоянно воровал Часы Вечности, чтобы забавляться со временем.

– И... вам всего хорошего, – растерянно выдавил Флинн.

– Пойдем, нас уже заждались, – поторопил Танат. Он поправил кожаные перчатки и вышел из лифта.

Флинн на нетвердых ногах развернулся, сделал неуверенный шаг и очутился у края кабины. Золотая дорожка казалась сотканной из света, но при этом Танат спокойно шел по ней, не проваливаясь во тьму. Флинн сглотнул, собрал все мужество, которое сумел отыскать в душе, и последовал за своей Смертью.

Пройдя несколько метров, Флинн услышал, как за его спиной задвинулась решетка, и лифт, издав характерный звон, уплыл обратно вверх. Тьма клубилась вокруг, пристально изучая золотую тропу, которая нарушила ее покой. Вскоре до Флинна донесся странный звук: нечто среднее между бульканьем и урчанием. Он моментально остановился и с опаской повернулся – на тропе сидело нечто темное, раздувшееся и совершенно бесформенное. И это нечто взглядом прилипло к Флинну – в круглых черных глазах читался огромный интерес.

– Только не смей меня преследовать, – негромко сказал он и осторожно шагнул назад.

Нечто осталось на месте, продолжая буравить его глазами, похожими на два бездонных колодца. Флинн сделал еще несколько шагов назад, но существо так и не сдвинулось.

– Хорошо, что у тебя нет ног, – облегченно выдохнул Флинн и уже почти развернулся, чтобы догнать Таната, но вдруг замер.

Нечто шевельнулось: вытянуло подобие шеи и посмотрело сначала справа от себя, потом слева, а после выпустило по бокам четыре отростка, будто отвечая Флинну: «Как это у меня нет ног? Посмотри, они есть!» И, мягко говоря, этот ответ ему не понравился. И почему всякие сущности Потусторонья так и норовят увязаться за ним?

– Почему ты отстал? – послышался голос Таната. Он вернулся и теперь стоял рядом с Флинном.

– Эта странная штука отвлекла меня.

– Не обращай внимания. Если ты ее не обидишь, она не принесет вреда.

– Что это вообще такое? – спросил Флинн.

Нечто внезапно вздрогнуло, и по бесформенному черному телу пошла мелкая рябь.

– Это Первая Тьма, – ответил Танат. – Та, которая существовала до рождения Всего. Она никогда не видела мир, который появился после нее, поэтому и заинтересовалась тобой. Ты для нее нечто новое, неизведанное. Впрочем, как и она для тебя.

– Если есть Первая Тьма, то должна существовать и Последняя?

– Да, ты прав, – сказал Танат. – Последняя Тьма тоже существует, но сейчас она спит. И сон ее будет еще очень долгим, ведь она проснется только тогда, когда погаснут последние звезды.

– Я почему-то думал, что в мире есть лишь одна тьма – та, которая живет в чулане или в темном переулке, – а их, оказывается, вон сколько, – невольно улыбнулся Флинн. В нем разгорелось любопытство, и он задал еще один вопрос: – А что будет после Последней Тьмы?

– Опять наступит черед Первой, а из нее родится новая Вселенная. Это вечный круг, – спокойно произнес Танат и развернулся.

Флинн кинул на Первую Тьму настороженный взгляд и пошел за своей Смертью.

Он напряженно шагал и не оглядывался, чтобы проверить, идет ли за ним Первая Тьма или нет. И так было ясно: она тенью ползет за ним, ведь тот странный звук – смесь бульканья и урчания – не отдалялся, а, напротив, поселился в его ушах. От него путались мысли, а ноги заплетались. Флинн попытался отвлечь себя воспоминаниями о Кейти, о их светлом прошлом. Интересно, понравились ли ей Небесные Чертоги? Встретила ли она там всех, кого любила? Стала ли наконец по-настоящему счастливой? Вспоминает ли о нем?

И тут Флинн опомнился, вынырнув из водоворота мыслей и вдохнув отрезвляющую реальность. Он прикоснулся к заколке-бабочке, которая была прицеплена к нагрудному карману его куртки. Ну как Кейти может вспоминать его? Он же лично отдал свою судьбу в обмен на ее память о нем! Теперь все, что связывало Кейти с ним, хранилось в этой маленькой заколке в виде синекрылой бабочки. Отныне Флинн для нее никто: его никогда не существовало в ее жизни. Но сам он всегда будет помнить о ней – даже когда придет Последняя Тьма, он не забудет свою ненаглядную, милую Кейти.

«Твой образ будет вечно жить в моем сердце», – думал он, в мельчайших деталях вырисовывая ее лицо в мыслях, пока не явилась чернота.

Флинн осознал, что ничего не может представить: ни свою прошлую жизнь, ни Кейти, ни мать, ни даже Тайло! Все цветные картинки в голове будто залила черная краска.

– Похоже, госпожа Первая Тьма так увлеклась тобой, что решила залезть в твои воспоминания, – ударил по тишине железный голос Таната.

– Так это ее рук дело?! – Флинна охватила злость. Воспоминания – единственное, что у него осталось, и он никому не позволит воровать их. Никому.

– Сохраняй спокойствие, – предупредил Танат. – Если ты разозлишь ее, то она может нас поглотить. В таком случае только рождение нового мира подарит нам свободу. Лучше поторопись: Первая Тьма не сунется в резиденцию Смерти.

– А долго еще идти? – выдохнув, спросил Флинн, стараясь не поднимать новую волну злости в своей груди.

– Это от тебя зависит. У каждого свой путь к Смерти, – ответил Танат и прибавил шаг.

Пытаясь не отставать, Флинн почти перешел на бег. Иногда ему казалось, что он филин, летящий в ночном небе, а под ним была не сияющая тропа, а река, в которой отражалась золотистая луна. И он, как настоящий хищник, пристально всматривался вперед, жажда увидеть то, что искал. Но взгляд все так же утопал в сплошной, необъятной тьме. Впереди не было ничего, а сзади надвигалось нечто.

Звук, преследовавший Флинна, изменился: теперь он напоминал помесь звериного рыка и свиста. Страх, зародившийся в голове, мгновенно добрался до сердца, заставив его стучать вдвое быстрее. Спина Таната маячила где-то вдали, и Флинн ускорился. Ноги сами несли его

вперед, пока он не увидел, что в сияющей тропе появились дыры: как будто ряд пушек выстрелил по ней. Один неверный шаг – и он провалится в бездну.

Флинн аккуратно подошел к краю одной из дыр и сделал попытку переступить ее, но дыра внезапно стала шире. Он отшатнулся и спиной наткнулся на что-то липкое и одновременно упругое. Белые кроссовки заволокло чернотой, а затылок обдало холодом. Превозмогая оцепенение, Флинн медленно повернул голову и встретился с огромной раскрытой пастью. В ней не было ни зубов, ни языка – только тьма, зовущая к себе. Он попытался сдвинуться с места, но не смог: кроссовки намертво приклеились к липкой черноте.

– Танат! – крикнул Флинн в надежде, что Господин Смерть услышит его и не оставит на съедение Первой Тьме.

Тем временем огромная пасть стала еще больше, раскрывшись до предела. Казалось, что вот-вот – и она порвется от напряжения. Поняв, что помощь, скорее всего, подоспеет, когда его уже начнут переваривать, Флинн решил действовать самостоятельно: он нагнулся и быстро снял кроссовки. Оставшись босиком, он ринулся вперед, перепрыгивая дыры, которые становились все больше, словно невидимые черви подьедали их края. Страх кнутом гнал его подальше от этой голодной и не в меру любопытной Тьмы.

Флинн, несмотря на свою природную неуклюжесть, довольно ловко преодолевал препятствия, все ближе и ближе подбираясь к целой части тропы. Про себя он подумал, что со стороны сейчас напоминает персонажа какой-то видеоигры: за ним гонится монстр, а он прыгает, пытаясь не свалиться в бездну. Но, в отличие от персонажа, ему никто не даст еще одну попытку пройти все заново. Он либо справится, либо...

Плохое предчувствие овладело Флинном. Он обернулся, и ему очень не понравилось то, что увидели его глаза: Первая Тьма решила, что четырех лап ей мало, поэтому она, недолго думая, отрастила себе еще четыре и теперь очень смахивала на гигантского паука.

Наконец-то оказавшись на целой части тропы, Флинн так засверкал пятками, что, наверное, ослепил бедную Тьму. Он пытался взглядом поймать силуэт Таната, но у него не получалось, зато кое-что другое открылось его взору – огни. Тысячи, сотни тысяч огней зажигались друг за другом. Это были окна. Перед Флинном начал вырисовываться старинный особняк необъятных размеров: фасад расходился вниз, вверх, в стороны – повсюду, насколько хватало глаз. Ни конца ни края ему не было – бесконечная резиденция самой Смерти.

Ледяное дыхание обдало шею Флинна, отчего волосы на ней встали дыбом, а по позвоночнику прошел электрический разряд. Пульс отбивал в висках барабанный ритм, каждый вдох обжигал грудь, во рту не осталось и капли слюны – настоящая пустыня. В голове перемешались все мысли – никак не получалось выудить хоть одну внятную. Когда Флинн понял, что его силы стремительно утекают – и скоро ничего не останется, – он увидел свое спасение. Золотая лента дороги упиралась в высокую дверь с витражом, стеклышки которого сложились в такой знакомый и болезненный образ – в ярко-синюю бабочку.

Флинн невольно прижал руку к нагрудному карману и с ужасом осознал, что заколка пропала. Он резко остановился и начал лихорадочно оглядываться в ее поисках. Нет, нет, он не мог потерять то единственное ценное, что у него осталось, – частичку его Кейти! Он схватился за голову, а затем побежал назад, прожигая взглядом золотую тропу. Заколки нигде не было, как не было и Первой Тьмы. Она ведь так настойчиво преследовала его. Неужели решила отступить? Нет, все не может быть так просто – не с его везением!

«Куда она подевалась?» – подумал Флинн, и ответ не заставил себя долго ждать.

Низкий рокот прокатился по воздуху и ударил по коленям, заставив их дрожать. Первая Тьма все это время пряталась на обратной стороне золотой тропы. Она дождалась, когда он отойдет подальше от двери резиденции Смерти, и выползла обратно, преградив ему путь. Флинн ничего толком не знал о Первой Тьме, но с уверенностью мог сказать, что она далеко не дура.

– Что ты от меня хочешь? – спросил он, отбросив страх.

Тьма сначала впилась в него глазами-колодцами, а потом широко улыбнулась и высунула язык (наверное, отрастила его, так же как и лапы), на кончике которого лежала заколка в виде синей бабочки.

Флинн колебался. Если он протянет руку, то Тьма наверняка поглотит его. И тогда куковать ему в ее бездонном желудке до рождения нового мира. С другой стороны, если он сейчас не заберет заколку, то потеряет кое-что ценное. Невероятно ценное.

Он неуверенно коснулся заколки и почувствовал на кончиках пальцев клейкую, мерзкую субстанцию. Казалось, что ее потом никаким мылом не отмоешь. Заколка прочно увязла и никак не хотела отлипнуть от длинного языка.

– Ну! Давай же, отдирайся! – с натугой произнес Флинн.

Когда же старания наконец-то увенчались успехом и заветная вещица оказалась у него в руках, он издал радостный клич, который быстро сменился на испуганный возглас: Первая Тьма поглотила Флинна.

2

Резиденция Смерти

Флинна окутал холодный липкий кокон, сплетенный из мрака, – ни шевельнуться, ни вскрикнуть. Каждый вдох давался с трудом: ему казалось, что воздуха совсем не осталось и теперь он дышит самой тьмой. Она проникала в легкие и разносилась по венам, отравляя его тело. Скоро она доберется до головы и полностью зальет ее чернотой. Скоро наступит сон без сновидений. Остатками сознания Флинн понял, что Первая Тьма нерасторопно развернулась. Наверное, сейчас она забьется в свою берлогу и будет медленно растворять его в себе.

Тепло покинуло каждую клеточку, уступив место первозданному холоду, который был до того, как первые звезды подарили этому миру свет и жизнь. Хотя... нет! Рука, его правая рука, сжимавшая заколку-бабочку, все еще хранила в себе заветное тепло! Первая Тьма не поглотила Флинна целиком, а значит, еще есть шанс на спасение!

Он постарался повести плечами, но каждое движение отдавалось колючей болью. Ему нельзя увязнуть здесь до рождения нового мира, он должен исправить все, что натворил!

«Кто-нибудь! Помогите, прошу, помогите мне!» – мысленно прокричал Флинн от бессилия.

Рука в кожаной перчатке накрыла его запястье и резко дернула. Тьма осталась позади. Флинн влетел в раскрытую дверь и кубарем покатился по ярко освещенной комнате. Он лежал на спине, чувствуя каждую неровность паркетного пола, и протяжно стонал. Тень накрыла его лицо, и Флинн смог разлепить веки без опаски быть ослепленным ярким светом ламп на потолке.

– Угораздило же тебя, – спокойно произнес нависший над ним Танат.

– Я ее не злил, честно, – сдавленно ответил Флинн.

Он кое-как разогнул онемевшие пальцы, сжимавшие заколку-бабочку, и на ощупь прицепил ее обратно к нагрудному карману куртки.

– Вставай уже. Лежать посреди приемной Властелина Смерти – верх невоспитанности.

Флинн поднял звенящую от боли голову и, сильно сощурившись, осмотрелся. Приемная представляла собой небольшую комнату с низким потолком, с которого свисала целая куча ламп. Все вместе они сияли не хуже полуденного солнца. Стены, обклеенные черными обоями в золотую полоску, были увешаны картинами – все они изображали мрачный хвойный лес, где среди деревьев скользили темные силуэты животных. Центр комнаты занимал стол с изящными тонкими ножками, на котором находился дисковый телефон с фигуркой ворона, с виду – настоящий антиквариат. От приемной в обе стороны уходили бесконечные коридоры, вдоль стен которых тянулись ряды деревянных стульев, обитых красным шелком. На них сидели тени: те, что поближе, были густыми, цвета воронова крыла, а те, что подальше, – блеклыми, едва различимыми в ярком свете.

– Кто это? – поинтересовался Флинн, разглядывая странных посетителей.

– Это тени Властелина Смерти – такие же, как и я, – пояснил Танат, сцепив руки за спиной.

– Вы же говорили, что их нельзя увидеть, – напомнил Флинн, поднимаясь на ноги.

– Чем ближе тень к Властелину Смерти, тем четче она проявляется.

– И почему они тут? Решили доложить своему хозяину, как идут дела в мире живых? Отчитаться, сколько человек умерло? – хмыкнул Флинн.

– Не без этого, – кивнул Танат. – Но основная причина, почему они все здесь, заключается в том, что тени должны воссоединиться с Властелином Смерти. Когда наше дело закончено, он притягивает всех нас обратно. Так всегда было – и так всегда будет.

Точно! Тайло ведь рассказывал Флинну об этом. И как он мог забыть? Видимо, Первая Тьма все же успела поджечь некоторые воспоминания.

– «Я один, но для каждого я разный», – повторил он слова, которые Танат сказал ему при их первой встрече. – И вы раньше уже сливались с Властелином Смерти? Правда же? Вы изменились с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Все верно. – Черные глаза Таната устремились на Флинна, и он заметил, что в них не отражался свет, несмотря на такое количество ламп.

– Почему вы пришли? Я ведь еще не переродился.

Голос Таната разрезал пространство:

– Потому что ты не должен находиться в мире живых без собственной Смерти.

– Теперь вы все время будете сопровождать меня? – Флинн наморщил лоб от мысли, что собственная Смерть станет его надсмотрщиком.

Танат не ответил и перевел взгляд на телефон буквально за мгновение до того, как тот издал протяжный звон.

«Тр-р-р-дзынь! Тр-р-р-дзынь!» – разрывалась трубка, но ее никто не брал.

– Мойра, ответь уже. Ты же знаешь, что Властелин не любит ждать, – сказал Танат и достал из кармана пальто золотые часы со знаком бесконечности на крышке. Он глянул на время. – Твой перерыв закончился мгновение назад.

– Ой, уже и чашечку кофе выпить нельзя, – раздался недовольный голос.

В воздухе постепенно стала вырисовываться женщина: сперва возникли ее руки с длинными красными ногтями, потом худое тело, одетое в облегающую белую блузку и темно-синие брюки на подтяжках. Последней появилась голова с короткими пепельными волосами.

– Аллю-о-о, – манерно протянула Мойра, прислонив трубку к уху, и принялась рассматривать свои ногти. – Да. Поняла. Сейчас. – Она бросила трубку, села за стол и громко крикнула: – Эй, левая сторона, быстро к начальнику!

Внезапно черная дверь за ее спиной распахнулась, и в нее начали влетать тени, которые все это время терпеливо сидели в левом коридоре, ожидая приема. Образовался такой сквозняк, что Флинна чуть не засосало в темный проем, но он вовремя ухватился за край стола. Сотни ламп задрожали и приглушили свет – так, что стали видны нити накаливания.

Мойра никак не реагировала на происходящее, с невозмутимым видом подпиливая ногти. Когда же последняя тень исчезла во мраке, дверь с грохотом захлопнулась – и картины, висевшие на стенах, покосились.

– Ты следующий. – Мойра пилочкой указала на Флинна. – Только, парень, – она скривила яркие губы, – я понимаю, что на встречу со Смертью люди приходят в разном виде, но раз у тебя есть минутка, приведи-ка ты себя в порядок. Такое ощущение, что ты нырнул в бассейн с нефтью. – Она принялась и наморщила нос. – Да и пахнет от тебя соответствующе.

Флинн бегло осмотрел себя. Выглядел он и вправду отвратительно: весь в черной слюне Первой Тьмы. Вот только как от нее избавиться – вопрос.

– А нет ли у вас тут душа? – с надеждой спросил он.

– Парень, может, тебе еще джакузи поставить посреди приемной, чтобы ты смог понежиться? – фыркнула Мойра и открыла верхний ящик стола. Она достала оттуда бумажную салфетку и протянула Флинну. – На, утрись. А то еще испачкаешь кабинет начальника.

– Э-э-э... спасибо, конечно, – поблагодарил он, взяв салфетку кончиками пальцев. – Но что-то мне подсказывает, что после нее я чище не стану.

Мойра в ответ цокнула языком и закатила глаза. Флинн подумал, что она над ним издевается, но решил вытереть хотя бы лицо. Как только он прижал салфетку к щеке, вся липкая грязь мигом исчезла. Его будто пропустили через мойку – настолько он был чистым! Даже кожа сияла, а одежда пахла горной свежестью. И на сердце вдруг стало так легко и светло.

– Ничего себе! – восхитился Флинн. – Полезная вещица. А можно ее себе оставить?

– Конечно же, нет. Верни обратно. – Мойра протянула раскрытую ладонь. – Эта, как ты выразился, «вещица» очень редкая. Она создана из самой Чистоты.

Флинн вздохнул и вернул салфетку Мойре. Та быстро ее спрятала обратно в ящик и закрыла его на ключ.

– Танни, как твои дела? – фамильярно обратилась она к Танату, подперев подбородок рукой и закинув ногу на ногу. – Люди там, по ту сторону, стали совсем невыносимыми, да?

– Люди не меняются вот уже тысячи лет, хотя им кажется, что все обстоит иначе, – отстраненно произнес Танат.

– Ой, и не говори! – Она махнула свободной рукой. – Ты представляешь, после их появления я ни разу не была в отпуске! С ними столько хлопот. И глоточек кофе сделать некогда.

– Разве до появления людей у вас было меньше работы? – удивленно спросил Флинн. Он прекрасно помнил, что умирают не только люди, но и вообще все, что есть в мире живых. Даже время – и то постоянно исчезает!

– Естественно, меньше! – Мойра уставилась на Флинна чуть раскосыми серыми глазами. – Раньше были только животные, а с ними, согласись, парень, все же меньше мороки. Ну что им нужно? Бесконечное зеленое поле – и они уже на седьмом небе от счастья. Бегают, прыгают, спят и забот не знают. Я уже молчу про деревья, камни и звезды – они вообще идеальные жители Потусторонья. А вам, людям, необходимы испытания, которые вы обязаны проходить, психофоры, которые должны нянчиться с вами и вашими демонами. Ну и загробные судьи, конечно же, вам тоже нужны, иначе как понять, исправились вы или нет? Ой! И, несмотря на все это, вы продолжаете страдать, ошибаться, снова страдать – и поэтому не можете пройти все испытания с первого раза. И все начинается заново! Какой-то проклятый круг, который никак не разорвать! Вас постоянно нужно наставлять на путь истинный, в то время как любая курица намного порядочнее большинства людей! – с надменным видом сказала она и откинулась на спинку стула. – Говорю же: от людей сплошная головная боль.

Флинн хотел возразить, но не успел и рта раскрыть, как щелкнул замок черной двери, и она немного приоткрылась. Потянуло сыростью.

– О, начальник уже освободился. Тебе пора, парень. Он ждет, – сообщила Мойра, растянув яркие губы в неискренней улыбке. – А! И вот еще! – Она достала из кармана брюк серебристую зажигалку и кинула ее Флинну.

– Зачем она мне? – удивился он, поймав зажигалку.

– Там темно, пригодится, – сказала Мойра, барабанив пальцами по столу. – Только верни обратно! – грозно прибавила она.

Оставив страх позади, Флинн сделал несколько уверенных шагов. Он взялся за ледяную ручку и, шире приоткрыв дверь, заглянул внутрь. Ему в лицо сырым воздухом дохнула темнота, опутанная гробовой тишиной. Флинн никак не мог отделаться от мысли, что перед ним не вход в кабинет Властелина Смерти, а самая настоящая могила. Он обернулся и бросил взгляд на Таната, который так и не сдвинулся с места.

– Я пойду туда один?

– Да, – ответил Танат. – Мне нельзя переступать порог этой двери, иначе я снова стану частью Властелина Смерти.

Флинн понимающе кивнул и нырнул в промозглую могильную тьму.

Босые ступни моментально покрылись инеем, а кожаная куртка стала жесткой. Окочене-лой рукой Флинн открыл крышку зажигалки и несколько раз провел по колесу: искра высекалась, газ шипел, но пламя так и не загоралось. На десятый раз у него наконец-то получилось зажечь трепещущий огонек (почему-то голубой, а не оранжевый). Вытянув перед собой единственный источник света, Флинн попытался рассмотреть, куда же его занесло. От увиденного у него перехватило дыхание.

Из земляных стен торчали кости. Их было так много, будто этот странный коридор, который вел к Властелину Смерти, проложили прямо через кладбище. И здесь покоились не только человеческие останки, но и звериные: черепа птиц, котов, скелеты рыб. Сердце Флинна, пропуская удары, забилося медленнее. Густой пар валил изо рта и белым облаком поднимался вверх. Он почувствовал невыносимую усталость: сон навалился на веки, заставляя их сомкнуться.

– Нет, нужно идти вперед, – сам себе приказал Флинн дрожащими губами.

Съежившись, он побрел дальше, пытаясь не смотреть на жуткие стены вокруг. На ноги точно кандалы надели, но Флинн не сдавался и упрямо продолжал делать шаги, каждый из которых приближал его к цели. Время текло странно: иногда ему казалось, что прошло несколько минут, а иногда – что несколько часов. Мысли медленно ворочались в голове, словно укладывались спать. Колкий воздух ранил легкие – и каждый вдох становился пыткой. Когда холод добрался до самых костей, Флинн качнулся и ухватился за череп лошади, торчавший из стены. Трясущейся рукой он поднес зажигалку к лицу, чтобы согреть воздух и вдохнуть немного тепла.

– Тебе нужна помощь, человек? – послышался вкрадчивый шепот у самого уха.

Флинн с трудом повернул голову. В глазницах черепа лошади горели огоньки. Они пристально наблюдали за ним.

– Простите, что побеспокоил, – выдавил он, убрав руку с черепа.

Флинн потерял опору и упал бы, если бы черные руки не подхватили его.

– Не бойся меня, человек. Я не причиню тебе вреда – уже нет, ведь ты мертв, а я опасна только для живых. Я помогу тебе, – ласково прошептало странное существо и взяло его на руки, как матери берут своих маленьких детей, когда хотят убаюкать их.

В глазах темнело, но Флинну удалось рассмотреть свою спасительницу повнимательнее: ее черное тело, напоминавшее человеческое, было закутано в простую белую накидку, при взгляде на которую на ум приходила мысль о погребальном саване.

– Кто вы такая? – мелко стуча зубами, спросил Флинн.

– Меня зовут Вамматар, – ответила она, не отрывая глаз-огоньков от дороги.

– Вы хранительница этого места, да?

– Нет, человек. Я дух болезней.

– А-а-а, – грустно протянул Флинн. – Вы помощница Таната.

– Иногда – да, а иногда – нет, ведь не всякая болезнь приводит к Смерти, – тихо сказала Вамматар.

– А почему вы существуете?

– А почему существуешь ты?

– Ну... – Флинн помедлил, он так обессилел, что и думать нормально не мог. – Люди ведь никому не вредят... особо. Разве что самим себе. А вы – другое дело. Зачем вы нужны?

Вамматар глухо рассмеялась в ответ.

– Болезни – это тоже форма жизни. Да, они приносят вред другим. Но каждое создание мира живых кому-то вредит лишь потому, что существует. Ты прошелся по траве – и принес ей вред, затоптав. Ты проголодался – и принес вред тому, кого решил съесть. Солнце просто сияет – но оно может иссушить реку.

– И почему все так? – Флинн почти уснул, убаюканный мягким голосом Вамматар и ее нежными руками. Они не были теплыми, но и холодными тоже не были.

– Возможно, потому, что иначе быть не может. – Хотя у Вамматар и отсутствовали губы, но Флинну почудилось, что она улыбается. – Все, – сказала она и опустила его на землю. – Здесь начинается Смерть.

3

Не совсем жив, слегка мертв

Флинн стоял у черного занавеса, который напоминал траурную вуаль. Ткань едва заметно шевелилась, хотя сквозняка не было и в помине.

– Погаси огонь – и ступай не оглядываясь, – шепнула Вамматар.

– Спасибо вам, – прошелестел Флинн в ответ, закрыл крышку зажигалки, и коридор погрузился во мрак.

Он попытался на ощупь отодвинуть занавес, но его пальцы прошли сквозь него – и руку обдало влажным холодом, как если бы он опустил ее в колодезную воду. Недолго думая, Флинн нырнул в эту странную черную воду, которая прикидывалась тканью. Каждый последующий шаг давался все легче, силы по капле возвращались к нему, и вскоре показался просвет. Сперва он не поверил своим глазам, подумав, что сияние ему мерещится, но зрение не обмануло его.

Флинн вошел в просторный кабинет с темно-красными стенами, вдоль которых стояли книжные шкафы, заполненные не только книгами в старинных переплетах, но и выбеленными костями, окаменелостями и древними артефактами. Вместо ламп здесь парили огни, запертые в стеклянных сферах, из-за чего кабинет наполняли танцующие тени.

– Ты опоздал, – сказал Властелин Смерти ровным голосом.

Он сидел за массивным столом из красного дерева и смотрел в черное зеркало, лежавшее перед ним (на темной глади постоянно вспыхивали и гасли золотистые точки). Справа от него стоял телефон с фигуркой ворона – точная копия телефона в приемной, – а слева покоились белоснежные листы бумаги и чернильница с перьевой ручкой.

Внешне Властелин Смерти очень напоминал его Таната: такие же идеально уложенные черные волосы, широкие плечи, гордая осанка и безупречные черты лица, будто над ними поработал талантливый скульптор. Но одно существенное отличие все же имелось: Властелин Смерти был невероятно высок.

– Извините. Дорога к вам оказалась не самой легкой, – ответил Флинн, застыв у входа.

Властелин Смерти поднял на него глаза – и в них таилась не древняя тьма, как у его Таната, а самая настоящая пустота.

– Присаживайся, – произнес он, указывая на стул напротив.

Флинн хотел отказаться от предложения Властелина Смерти, но не успел и звука издать, как ноги сами понесли его к стулу. Он подумал, что если бы начал сопротивляться этой неведомой силе, то у него наверняка бы сломались все кости, поэтому он послушно сел на мягкое сиденье.

– Подожди еще немного, я скоро закончу. – Властелин Смерти снова опустил глаза на черное зеркало и провел по нему рукой в кожаной перчатке. Золотистые искры устремились за его пальцами.

Чтобы хоть как-то отвлечься и скоротать время, Флинн принялся изучать кабинет Властелина Смерти, рассматривая то, на что раньше не обратил внимания. Рядом с входом он обнаружил статую мужчины во весь рост. Флинн никогда раньше не встречал настолько тонкой работы – само совершенство: правая часть тела мужчины была обычной, а вот левая – высеченной до скелета. В голове сразу возник образ Полуживого Джо. Так вот где Граф Л черпал вдохновение для своих граффити!

С другой стороны от входа стояли потускневшие рыцарские доспехи, и Флинну показалось, что из них доносились глухие звуки сражений: испуганное ржание коней, звон клинков, залпы орудий и крики, леденящие кровь, – крики умирающих. Ему стало так не по себе, что он постарался больше не прислушиваться. Но самым занимательным предметом в кабинете

была картина, висевшая за спиной Властелина Смерти. Простая деревянная рама и абсолютно черный прямоугольник, тянувшийся от потолка до пола. Картина будто сама заставляла смотреть на себя, и только попробуй не подчиниться – сломает тебя так же, как и сила Властелина Смерти! Флинн вспомнил, что видел похожее произведение искусства в мире живых. Правда, то был квадрат, а не прямоугольник, да и насильно приковывать взгляд он не умел.

– У вас тут настоящий музей, – тихо произнес Флинн, когда чары картины ослабли и он смог оторвать от нее глаза.

– Да, можно сказать, что это музей достижений человечества. – Властелин Смерти закончил водить пальцами по черному зеркалу, поднял бледное лицо и выпрямил спину. Он указал на статую мужчины. – С одной стороны – нечто прекрасное, что вы создали. А с другой, – он направил руку на доспехи, – нечто отвратительное.

– И что же это? – сглотнув, спросил Флинн, хотя уже знал ответ.

– Война. – Властелин Смерти положил локти на стол, сцепил пальцы и пронзил Флинна пустым взглядом. – Нет более отвратительного изобретения человечества.

– Ну да, у вас же после нее столько работы...

Властелин Смерти промолчал, точно пожалел слов для ответа. Он долго и пристально смотрел на Флинна и одновременно сквозь него, словно заглядывал в будущее.

– Хорошо, – наконец-то произнес Властелин Смерти. – Я разрешаю тебе покинуть мир мертвых.

– И это все? Так просто? – Флинн пришел в недоумение. Он почему-то представлял себе, что сейчас начнется самая настоящая бумажная волокита: ему придется заполнить кучу документов и ходить по разным кабинетам резиденции Смерти, собирая подписи и печати.

– Моего слова вполне достаточно, – заверил его Властелин Смерти.

– Я могу идти? – Сердце Флинна сделало в груди сальто от радости, и он вскочил на ноги.

– Нет, – отрезал Властелин Смерти, и Флинн моментально прижало обратно к стулу. – Ты получил только мое разрешение, но нужно кое-что еще.

– Что же?

– Новое тело, Флинн Морфо. Тебе нужно новое тело, в противном случае ты не сможешь полноценно вернуться в мир живых.

Властелин Смерти встал, поправил ворот черного двубортного пальто и вышел из-за стола. Подойдя к одному из шкафов, он взял с полки деревянную шкатулку с вырезанными на ней звездами и откинул крышку. Кабинет залил мерцающий серебристый свет. Властелин Смерти достал из шкатулки маленький сияющий шарик, недолго повертел его между пальцами, а потом спрятал в кулаке. Он резко захлопнул крышку и подошел к Флинну со спины.

– У меня в руке звездная пыль, – сказал Властелин Смерти. – Она сотворит тебе новое тело.

– И я стану какой-то звездой, что ли? – спросил Флинн, с недоверием косясь на кулак в кожаной перчатке.

– Нет, твое тело будет похоже на человеческое. Разве ты не знал, что в мире живых все состоит из звездной пыли? Звезды умерли, чтобы дать жизнь всему, что ты раньше видел.

– Тело будет только ПОХОЖЕ на человеческое? Но человеком я не стану, да? – Флинн нахмурил брови, чувствуя на затылке взгляд пустых глаз.

– Верно, – подтвердил Властелин Смерти, – теперь ты будешь чем-то средним между человеком и призраком. Не совсем живым, слегка мертвым – называй это состояние как хочешь. Ты готов?

Флинн прикрыл веки и выдохнул, пытаясь погасить непонятно откуда взявшееся волнение. Оно полыхало в груди и мешало сосредоточиться.

– Готов, – через какое-то время сказал он, взяв себя в руки.

– Будет больно, – предупредил Властелин Смерти.

– Тогда не готов! – быстро возразил Флинн, но было уже поздно. Огни внутри стеклянных сфер погасли, и кабинет заволочло тьмой. Он вцепился в лакированные подлокотники стула и по сильнее сжал их. – А нельзя вернуть свет? Мне так было бы спокойнее.

– Нельзя. Что-то новое всегда рождается во тьме: ребенок растет во тьме чрева матери, росток проклевывается во тьме почвы, звезды загораются во тьме космоса.

– А я хоть буду похож на себя? – с надеждой спросил Флинн. Ему не хотелось выглядеть как-то по-другому.

– Будешь, но никто из твоих родных и знакомых не сможет тебя узнать. А теперь – молчи, – приказал Властелин Смерти.

И Флинн затих, но заткнуть внутренний голос, который кричал от страха, он так и не смог.

Тем временем серебристый шарик покинул свою темницу в виде сжатого кулака Властелина Смерти и подлетел к лицу Флинна, озарив его светом. Весь страх мигом улетучился, и вместо него пришло любопытство.

Шарик сначала долго висел на одном месте, пульсируя и издавая потрескивающие звуки, будто молний наглotalся, а затем стал двигаться вокруг головы Флинна. Скорость все нарастала и нарастала – стены задрожали, пол заходил ходуном, а доспехи в углу угрожающе зазвенели. Поток воздуха скинул со стола листы бумаги, и те разлетелись по всему кабинету.

И вот шарик не выдержал и рассыпался, создавая вокруг Флинна что-то похожее на кольца Сатурна. Серебристая пыль вместе с дыханием проникла в его легкие и начала быстро распространяться по его призрачному телу, создавая новые клетки, – и он ощутил то, о чем предупреждал Властелин Смерти, – он ощутил невообразимую боль. Флинн точно превратился в один большой оголенный нерв. Он пытался сдерживаться, но чем больше пыли проникало в него через нос, рот и глаза, тем невыносимее становилась боль. Казалось, что где-то в районе сердца зарождалась новая звезда и опаляла его сотней тысяч градусов.

Он больше не мог терпеть эту страшную пытку звездным огнем и попытался вскочить с места, но Властелин Смерти сдавил его плечи – не сдвинуться. Флинн почувствовал себя маленькой птицей, угодившей в когти голодного ворона.

– Отпустите меня! Отпустите! – в агонии умолял он, разрывая на себе одежду, хотя на самом деле ему хотелось содрать с себя кожу, чтобы выпустить бушевавший внутри огонь.

Но Властелин Смерти бесстрастно смотрел на его адские мучения и не отпускал. И тогда Флинн закричал. Так громко, что его, наверное, услышали даже в мире живых. Но этот дикий крик не мог выразить и сотой части той боли, которую он испытывал. В своих мыслях он мечтал лишь об одном – исчезнуть. Пусть его больше никогда не будет ни в мире живых, ни в мире мертвых, только бы прекратились эти страдания.

И тогда его тело засияло так лучезарно, что все тени растворились без следа. Все вокруг стало ослепительно-ярким. Флинн видел все так четко, будто раньше он был слеп – и только сейчас обрел зрение. Он видел танец пылинок под потолком, все до единой царапинки на мебели и каждый отблеск на доспехах – ничто не скрылось от его новых глаз. Почти живых глаз.

Огонь потихоньку начал отступать от рук и ног, но сердце все еще пылало. Он сделал осторожный вдох, и холодный воздух наполнил грудь, подарив долгожданное облегчение. Раньше Флинну казалось, что кабинет Властелина Смерти пропитан лишь запахом сырости, сейчас же он почувствовал и другие ароматы: древесины, старых книг, засушенных цветов. Все было другим. Даже гладкость лакированных подлокотников ощущалась иначе.

Свет, вырвавшийся из Флинна, постепенно возвращался назад, и мрак неуверенно выползал из всех углов. Он бы снова воцарился в кабинете, если бы в стеклянных сферах не зажглись огни.

– Все закончилось? – на выдохе спросил Флинн.

– Да, – ответил Властелин Смерти, убрав руки с его плеч. – Ты неплохо справился. Каково оно – снова быть почти живым?

– Это... невероятно...

Флинн встал и, немного пошатываясь, прошелся по ковру. Мягкие ворсинки лизнули его босые ступни, вызвав щекотку, но совсем не такую, какую он испытывал, будучи мертвым. До этого момента он находился в полной уверенности, что после смерти для него почти ничего не изменилось. Так жестоко Флинн еще никогда не ошибался. От прежних чувств у мертвых оставались лишь искры, и понял он это только сейчас – когда вновь ощутил огонь жизни внутри себя.

Властелин Смерти сделал взмах рукой, и кабинет пришел в полный порядок: все лежало строго на своих местах. И даже порванная одежда Флинна снова стала целой.

– Теперь ты свободен. Можешь идти, – отрешенно произнес Властелин Смерти, возвращаясь за стол.

– Прощайте, – прошептал Флинн, все еще находясь в шоке от произошедшего.

Он уже почти дошел до коридора, на другом конце которого покачивался черный занавес, как его остановил голос Властелина Смерти:

– И помни, что быть живым – намного труднее, чем быть мертвым. Ты уж постарайся.

Флинн не обернулся – лишь кивнул и покинул кабинет.

В приемной Мойра щебетала с Танатом. Она активно жестикулировала, болтая о каких-то пустяках.

– Вот с тех пор Пифия и стала видеть всякое, – подытожила Мойра, качая головой. – Бедняжка, мне так жаль ее. Тут от собственных мыслей деваться некуда – хоть бы на секундочку отключить их, – а когда еще какие-то посторонние видения лезут к тебе в голову – это вообще караул! – Заприметив Флинна, она сменила сочувственный тон на дерзкий: – О, вернулся наконец-то. Долго же ты там пробыл.

– Почему вы не предупредили, что получить новое тело будет так больно? – с укором спросил Флинн у Таната.

– Потому что ожидать боль так же мучительно, как и испытывать ее, – равнодушно ответил тот. – Считаю, что я сделал тебе одолжение, промолчав. Лучше бы поблагодарил меня.

– Простите, но что-то не хочется, – угрюмо бросил Флинн, почувствовав себя преданным.

– Его можешь не благодарить, а меня – обязан, – перебила их Мойра. Она поставила на стол белые кроссовки, которые Флинн потерял, унося ноги от Первой Тьмы. Они были как новенькие. – И, кстати, верни зажигалку, – напомнила она.

– Спасибо вам! – Флинн без промедления достал зажигалку, положил ее на стол и забрал кроссовки. Хоть одна хорошая новость: ему не придется идти дальше босиком.

– Береги новое тело, парень! Если с ним что-нибудь случится, то придется пережить все заново! – предостерегла его Мойра.

Флинну от одной только мысли об этом стало дурно. Он быстро обулся в кроссовки и, посмотрев на Таната, обратился к нему:

– И как теперь мне попасть в Инферсити?

– Пока еще рано, – сказал Танат.

– Почему рано? – недоумевал Флинн. – Разрешение покинуть мир мертвых у меня есть, новое тело тоже. Что еще нужно?

– Напарник, – коротко ответил Танат. – Тебе нужен напарник. И немного вежливости тоже не помешает...

– А еще мозги не будут лишними, – весело прибавила Мойра.

4

Призрачный грот

Дорога в обратную сторону оказалась намного короче. Когда Флинн с Танатом дошли до края золотой тропы, их уже ждал лифт со скучающим Графом Л внутри. Закутавшись в черную мантию с кожаными рукавами, он подпевал назойливой мелодии, доносившейся из громкоговорителя, и едва заметно двигал плечами в такт.

– О, с виду неплохое тело, – похвалил он, окинув Флинна оценивающим взглядом. – Надеюсь, что крепкое.

– Спасибо, – натянуто ответил Флинн и вошел в кабину. Танат тенью скользнул за ним. – Не хочешь пояснить, зачем тебе нужна моя судьба?

– Очень хочу, прям еле сдерживаюсь – так сильно хочу обо всем тебе рассказать. Но пока повременю, – невозмутимо произнес Граф Л и задвинул решетку. Лифт, поскрипывая всем, чем только можно, медленно поехал вниз.

Новое тело вызывало у Флинна восторг, но при этом было каким-то неудобным. Как будто впервые примеряешь красивый костюм и не можешь понять: удобно тебе в нем или нет. Кажется, что вот тут жмет, а здесь топорщится – и уже не рад, что купил его. Он незаметно сжимал и разжимал пальцы, переступал с ноги на ногу, слегка поворачивал голову. Определенно что-то не то.

– Что, тело не по размеру души дали? – усмехнулся Граф Л.

– Как-то некомфортно, – признался Флинн.

– Ничего, лет через десять разносишь. Если не потеряешь его раньше.

– А куда мы едем?

Граф Л молча указал на правую стенку кабины. Флинн проследил за его жестом и увидел панель с шестью кнопками. Напротив каждой была надпись:

5 – *Чистилище*

4 – *Лимб*

3 – *Резиденция Смерти*

2 – *Призрачный грот*

1 – *Древний космос*

0 – *Мир живых*

Сейчас горела кнопка с номером 2.

– И зачем нам туда? – поинтересовался Флинн.

Граф Л повернулся к Танату и спросил:

– Он всегда так много вопросов задает?

– Да. Постоянно сыплет ими как из рога изобилия, – бесцветным голосом ответил Танат.

– Хреново, – плотнее закутавшись в мантию, сказал Граф Л будничным тоном.

Флинн понял, что пояснений ждать не стоит, поэтому оставил бесплодные попытки узнать хоть что-нибудь о своей новой судьбе.

Ехали они еще дольше, чем до резиденции Смерти. Граф Л пристроился в правом углу и, кажется, дремал или находился в трансе: его необычные фиолетовые глаза были полузакрыты, а лицо выражало полное умиротворение. Танат же стоял слева от Флинна с явным намерением превратиться в статую: он совсем не двигался, даже не моргал. Во всей этой обстановке Флинн чувствовал себя конвоируемым преступником. Хотя если разобраться, то так оно и было: он – преступник, а Танат и загадочный Граф Л – его надзиратели. Бед Флинн натворил немало – и теперь придется отрабатывать. Вот только как? Что же ждет его в Инферсити, зачем Графу

Л понадобился именно он? В нем же нет ничего особенного, разве что в неприятности он вляпывается с потрясающей виртуозностью.

Его мрачные мысли отогнала пчела, жужжавшая у самого уха. Она неторопливо облетела его голову, как луна облетает свою планету по орбите, а затем села ему на нос. Флинн прикрыл один глаз, пытаясь рассмотреть ее получше. Это была не обычная пчела, а сотканная из золотого свечения – точно ее породило солнце. Нежное тепло разлилось по новому телу Флинна, и он невольно прикрыл веки от наслаждения.

Самые лучшие воспоминания заключили его в ласковые объятия. Он видел то, о чем давно забыл, – моменты из раннего детства. Чем старше становился Флинн, тем больше стирались воспоминания о том времени, будто нерадивый монтажер перестарался и слишком изрезал киноленту, выкинув половину сюжетных линий. А сейчас перед глазами Флинна разворачивались удивительные сцены, и он переживал их с тем же восторгом, как и в первый раз.

Вот он – совсем маленький – сидит на руках у отца. К ним домой пришли незнакомые Флинну люди. Сначала в его груди поселился испуг, но когда он увидел, как один из гостей достал из сумки плюшевого пса и протянул ему, испуг сменился радостью. Весь вечер он забавлялся с новой игрушкой, пока не заснул с ней в обнимку.

А здесь Флинн впервые пробует шоколад. Его бабушка (которую он смутно помнил, потому что она рано умерла) принесла огромную плитку, завернутую в шершавую обертку с зелеными буквами. Мама со строгим видом сказала, что можно съесть всего лишь маленький кусочек, но как только по языку Флинна растекся этот изумительный вкус, он дождался, когда взрослые отвернутся, и незаметно умыкнул всю плитку. На следующее утро его так обсыпало от сладкого, что он стал напоминать розового поросенка. Бабушка после того случая так и называла его: «Мой сладенький поросенок».

Лифт так резко остановился, что у Флинна подкосились ноги. Пчела испугалась и улетела, забрав с собой теплые воспоминания. Они подъехали к входу в пещеру, из глубины которой лилось золотистое сияние.

– О, наконец-то, – сказал Граф Л сквозь зевок. Он потянулся и хрустнул шеей. – Флинн, давай на выход.

– Ты не думаешь, что сейчас как раз идеальное время для объяснений? Мне надоело это вечное «иди туда, не знаю куда, сделай то, фиг знает что». – Флинн скрестил руки на груди, всем своим существом источая негодование. Нет, он определенно и шагу не сделает, пока ему не дадут ответы хотя бы на некоторые вопросы!

– Как же я не люблю возиться с новичками, – пробормотал Граф Л, почесывая свои густые черные брови. – Танат, будь другом, влей в голову своего подопечного пару ковшей информации.

– Это Призрачный грот, – начал Танат. – Тут обитают самые древние души. Они так часто перерождались, что впитали почти все знания и мудрость Вселенной. Им больше незачем посещать мир живых, они достигли того, что вы, люди, называете просветлением. Одна из этих душ и должна стать твоим напарником.

– Если, конечно, кто-то согласится на это, – подхватил Граф Л.

– А если нет? – спросил Флинн.

– Отнимем у тебя тело, а душу сошлем в Лимб, – с абсолютно серьезным лицом ответил Граф Л. – Да ладно, не пучь так глаза. Шучу я.

Пустившееся в галоп сердце Флинна сбавило ритм. Ну и шуточки у хозяина его судьбы.

– И что я должен делать? Пойти уговорить одну из них стать моим напарником?

Граф Л прыснул со смеху, но быстро опомнился, прочистил горло и снова надел маску серьезности.

– Нет. – Танат чуть заметно покачал головой. – Просто войди в пещеру, сядь в центре и жди. Душа сама выберет тебя.

– А зачем нужен этот напарник? – У Флинна возникло столько вопросов, что они едва помещались в голове.

– А для чего вообще нужны напарники? Чтобы помогать, – сказал Граф Л. – У тебя ведь уже должен быть опыт, ты же, думаю, не сам проходил все испытания в Чистилище, к тебе, скорее всего, был приставлен духовный проводник – твой психофор. Правда же? Ну вот, считай, что это еще один психофор, только покруче.

– Вы так и не сказали, в чем же мой новый напарник будет мне помогать. – Флинн был решительно настроен добиться ответа.

– Давай мы будем все пояснять по ходу дела, а не то у тебя от избытка информации мозги закипят. А новое тело, сам понимаешь, нужно беречь. Не стой столбом, иди, – поторопил Граф Л, жестом выпроваживая Флинна. – А мы пока с Танатом уьем время.

Он достал из кармана мантии игральные карты, обратная сторона которых в точности повторяла его визитку: на темно-фиолетовой бархатной бумаге красовался стоглазый пес, нарисованный золотой краской.

– Ну что? Покер или вист? – Граф Л подкинул колоду. Она зависла в воздухе и сама начала тасоваться.

Флинн засунул руки в карманы куртки, тяжело вздохнул и вышел из лифта, оставив свою Смерть и своего хозяина наедине. Он почему-то подумал, что играть они будут на его Монету Судьбы. Но ему было уже плевать – настолько он устал от вечных недомолвок. Пусть Граф Л хоть ленточкой его перевяжет и подарит кому-то на день рождения.

Сразу после входа в пещеру вниз уходила выбитая в камне лестница со сталагмитами вместо перил. Высокие своды терялись во мраке, а на дне лежали каменные глыбы и прозрачные кристаллы яйцевидной формы, в которых мерцал свет. Флинн аккуратно спускался по мокрым ступеням, завороженный этим волшебным сиянием. Оказавшись внизу, он подошел к одному из кристаллов и принялся его рассматривать, как музейный экспонат. Внутри, прикрыв голову крылом, спала золотистая птица.

– Ничего себе... – удивленно шепнул Флинн. – Наверное, это и есть древняя душа, о которой говорил Танат.

Он прикоснулся к гладкой поверхности кристалла, и птица внутри встрепенулась. Она достала голову из-под крыла и внимательно посмотрела на Флинна, но, видимо так и не найдя в нем ничего интересного, прикрыла глаза и продолжила спать.

Выпрямившись, он пробежался взглядом по пещере. Абсолютно в каждом кристалле спала древняя душа, сияющая золотом. Здесь были различные животные, насекомые, растения, иногда встречались и исчезнувшие виды. Вот только душу человека он так и не нашел.

Дойдя до центра пещеры, Флинн застыл в нерешительности, будто превратился в один из сталагмитов. Как он поймет, что какая-то душа выбрала его? Она подлетит к нему, покрутится немного, а потом увяжется следом? Он мотнул головой, вытряхивая лишние мысли. Пусть сначала хоть кто-нибудь проявит интерес, а там видно будет.

Флинн выбрал большой плоский камень и уселся на него. Если у входа в пещеру пахло только сыростью, то здесь, в самом центре, витал совершенно незнакомый ему аромат. Он был похож на все существующие запахи и одновременно ни на один из них. Так странно. Если бы кто-то когда-то спросил у Флинна, как пахнет сама Жизнь, то он бы ответил, что именно так.

Не прошло и часа, как усталость потянула его голову назад и ему смертельно захотелось спать. Он яростно сопротивлялся: пытался реже моргать, похлопывал себя по щекам, ходил по кругу, приседал, но ничего не помогало – сонливость не отступала. Сдавшись, он лег на бок, положил руки под голову, подумав, что его новому телу не мешает окунуться в мир сновидений, чтобы набраться сил. А если в это время явится душа-напарник, то она его либо разбудит, либо подождет, когда он проснется. Наконец-то расслабившись и отбросив все тревоги, Флинн моментально забылся сном.

Впервые после смерти он не видел в своих снах мир живых, не бродил призраком по родным улицам Инферсити. Перед его внутренним взором мелькали образы из прошлого. Он видел улыбчивого Тайло в его чудаковатой шапке с кошачьими ушами, видел Кейти, которая не была прикована к больничной койке, – она кружилась по залитой солнечным светом комнате и смеялась. После них к нему пришел образ матери. В ее глазах смешались нежность и невесомая грусть. Флинну показалось, что она хотела что-то ему сказать, но не успела: его сон прервался. Разлепив веки, он увидел, что все кристаллы в пещере опустели: души покинули их.

«Фью-ю-ю-ить! Фью-ю-ю-ить!» – что-то с тихим свистом рассекало воздух. Он повернул голову на звук.

Притаившуюся под потолком тьму прошивали золотые нити. Они двигались от одного края пещеры к другому, будто хотели заштопать ее. Флинн поднялся на ноги, не отрывая взгляда от нитей, которых становилось все больше и больше, и все вместе они превращались в единое полотно света. Его накрыл безудержный восторг: сердце норовило вырваться из груди и подпрыгнуть до потолка, чтобы коснуться этого солнечного сияния. Внезапно нити превратились в неподвижные сияющие точки – и теперь над головой словно простиралось звездное небо. Ворвался непонятно откуда взявшийся ветер и закружил их воронкой, которая начала медленно опускаться – прямо к Флинну.

Когда воронка приблизилась настолько, что почти коснулась его лба, от нее отделилась одна сияющая точка. Она, неторопливо кружа, села на заголосу-бабочку, которая все еще была прицеплена к нагрудному карману куртки Флинна, и притаилась. Его сердце так учащенно забилося о ребра, что еще немного – и заголосу начнет подрагивать в такт. Недолго посидев, сияющая точка отлетела подальше и, резко набрав скорость, прошла грудь Флинна.

Он захлебнулся немой вскриком, но не от боли, а от неожиданности. Солнечное тепло возникло в его сердце и потекло по телу, направляясь в правую руку. Флинн молниеносным движением задрал рукав куртки и увидел, что по коже ползет маленький золотистый змей. Обвив руку от запястья до локтя, он застыл и почернел, став обычной татуировкой.

Воронка тут же рассыпалась, и сияющие точки звездопадом полетели вниз, возвращаясь в свои кристалльные колыбели, чтобы вновь мирно дремать в них остаток вечности.

Когда Флинн вернулся к лифту, Граф Л и Танат все еще играли.

– Флеш-рояль, – сказал Танат, с каменным лицом показывая карты.

– Да уж... Смерть – самый сильный противник, – вздохнул Граф Л, жестом подманивая парящие в воздухе карты – те сложились обратно в колоду и сами залетели в карман его мантии. – О, с возвращением! – произнес он, приметив Флинна. – Надеюсь, что ты не с пустыми руками.

– Нет, не с пустыми, – усмехнулся Флинн.

Он зашел в лифт и закатал рукав, демонстрируя татуировку в виде змея.

– Отлично. На одну проблему меньше. – Граф Л взял руку Флинна и внимательно изучил ее. – Весьма недурно. Древняя душа, очень древняя. Но самое главное, чтобы вы нашли общий язык. Без этого – все старания насмарку.

– Мы пока что и словом не обмолвились, – сказал Флинн, расправив рукав.

– Ничего, настанет время – и он сам заговорит с тобой, – ответил Граф Л, задвинул решетку и нажал на кнопку.

Лифт с привычным скрипом двинулся вниз. Флинн скосил глаза на панель, чтобы посмотреть, куда они едут. Горела кнопка с номером 1. Что ж, теперь их ждал древний космос.

В этот раз ехали они недолго, Флинн очень хотел засыпать Графа Л вопросами, но помнил, что это бессмысленно, поэтому он молча поглаживал руку, где спала древняя душа змея. Кабину тряхнуло – и в уши врезался такой противный звук, будто кто-то пытался открыть консервную банку с помощью ржавого ножа.

– Приехали, на выход, – сообщил Граф Л и отодвинул решетку. – Добро пожаловать в ряды посыльных Смерти, Флинн Морфо.

5

Дева со шрамом

Надпись напротив кнопки с номером 1 не обманула: они и в самом деле очутились в космосе. В бесконечном темном пространстве неторопливо летали звезды, клубились облака сияющего газа, закручивались спиралями галактики. Здесь обосновалась настолько нерушимая тишина, что, казалось, произнеси хоть звук – и она тут же его поглотит.

Граф Л первым вышел из лифта, Флинн и Танат последовали за ним. Между верхней частью космоса и нижней было нечто вроде толстого стекла, но от него не отражался свет звезд, поэтому складывалось впечатление, что под ногами ничего нет. Танцующие внизу светила выглядели что-то слишком уж маленькими: одни не больше футбольного мяча, другие размером с колесо мотоцикла. Флинна нельзя было назвать самым прилежным учеником, но что-то ему подсказывало, что вряд ли в древние времена звезды были настолько крошечными.

– А почему звезды такие маленькие? – повторил он свои мысли вслух.

– Усохли от времени, – ответил идущий впереди Граф Л.

– Правда, что ли? – удивился Флинн.

Граф Л остановился, повернулся к Танату и спросил у него:

– Он всегда такой доверчивый?

– Не всегда, но довольно часто.

– Паршиво, – сказал Граф Л и продолжил свой путь.

Флинну пришлось собрать все терпение без остатка, чтобы проглотить рвущиеся наружу слова. Весь оставшийся путь он прожигал спину Графа Л пламенеющим от злобы взглядом.

Совсем скоро они подошли к разноцветным дверям, одиноко стоящим в пустоте. Не было ни стен, ни крыш – просто двери, каждую из которых украшал уникальный светящийся рисунок. Флинн подумал, что все это напоминает инсталляцию какого-то модного художника, когда ходишь среди кучи странных вещей с одной лишь мыслью: «Непонятно, что хотел донести автор, но все равно очень красиво... наверное».

– Хольда, открывай, начальство пришло, – произнес Граф Л, настойчиво постучав в красную дверь с золотистой стрелой. После двух минут тишины он снова постучал: – Хольда, не делай вид, что тебя нет в своей комнате. Одноглазая Гейша доложила, что ты давно на месте. Мои граффити никогда мне не врут.

Замок щелкнул, и дверь распахнула девушка с таким разъяренным видом, точно ее отвлекли от крайне важного дела, от которого зависела судьба всего человечества. Еще больше суровости ей придавал белый шрам, рассекавший левую половину ее лица ото лба до середины щеки.

– Что случилось? – спросила она.

– Ох, ну и видок у тебя, – покачал головой Граф Л.

Девушка и вправду выглядела немного потрепанной: темно-рыжие волосы, заплетенные в десятки тонких косичек, слегка дымились, на черной футболке с белыми рунами виднелись дыры с опаленными краями, щеки, усыпанные веснушками, были испачканы сажей, словно совсем недавно она сражалась с огнедышащим драконом или пыталась справиться с разбушевавшимся пламенем в камине. Одно из двух.

За ее спиной Флинн увидел небольшую комнату: мягкая мебель, кровать с балдахином, окно, занавешенное тяжелыми бархатными портьерами, шкаф, разрисованный белыми цветами, а еще большой стол, где обосновался полный беспорядок (кипы порванных и заляпанных чернилами бумаг лежали как попало). Здесь все было как в обычной комнате. Кроме потолка. Его вообще не было.

– Я к тебе не с пустыми руками, – сказал Граф Л, потеснил девушку и вошел к ней в комнату как к себе домой.

Он упал в кресло, откинулся на спинку и, прикрыв глаза, издал болезненный стон, будто целый день отработал на руднике – и теперь у него ныла каждая клеточка.

– «Не с пустыми руками», конечно же, – пробурчала девушка, – только и приносишь в них кучу проблем. И все на мою голову сваливаешь.

– Неправда, – отозвался Граф Л, закинув ноги на журнальный столик, – один раз я принес тебе торт.

– И сам же его съел, – напомнила Хольда, с подозрением уставившись на Флинна.

Один глаз у нее был карим, а другой, через который проходил шрам, – янтарным.

– Не моя вина, что ты не любишь сладкое.

– Вообще-то люблю, – возразила Хольда. – Просто тогда у меня не было настроения для душевного чаепития.

– Тогда с меня еще один торт, – зевнул Граф Л, почесывая бок. – Ладно, сразу перейдем к делу. Флинн, иди сюда, не стой в дверях, а то продует на межзвездном сквозняке.

Флинн – под изучающим взглядом Хольды – переступил порог, Танат беззвучно проследовал за ним.

– Хольда, знакомься, это Флинн, твоя новая головная боль. Дарю, – махнув рукой, сказал Граф Л.

– Черта с два! Я не собираюсь возиться с новичком, тем более с парнем, – фыркнула Хольда. Ее глаза угрожающе блеснули, и она с силой захлопнула дверь – стены испуганно задрожали.

– Хольда, прекращай эти капризы, ты же знаешь, что я их терпеть не могу, – перегнувшись через подлокотник кресла, строго произнес Граф Л. – Тебе надо ввести Флинна в курс дела, всему обучить, проследить, как он самостоятельно выполняет задания, справляется ли, а потом можешь спокойно отправлять его в одиночное плавание.

– Мне некогда. – Хольда скрестила руки на груди, пытаясь совладать с раздражением, пересекла комнату и принялась разбирать завал на столе. – У меня куча дел, поручи это сверхважное задание кому-нибудь другому. Тигмонду, например, да кому угодно, но только не мне! И вообще, ты ведь знаешь, что я не люблю работать вместе с парнями! От них одни проблемы...

Вот тут Флинна кольнула обида: впервые он слышал упреки в свой адрес из-за пола.

– Тигмонду? Хольда, ты, наверное, сама долго стояла на межзвездном сквозняке. Умоляю, скажи, что у тебя жар, иначе я не могу объяснить, почему ты несешь этот вздор. Тигмонду самому нужна нянька: он постоянно спит на заданиях. Нет, я, конечно, согласен, что, несмотря на это, справляется он на удивление неплохо, но доверить ему новичка я все равно не рискну. – Граф Л неохотно поднялся на ноги и подошел к столу сбоку. – Хольда, твоя Монета Судьбы у меня, правильно? Правильно.

Он, словно фокусник, достал из воздуха небольшую золотую монету, на одной стороне которой была изображена бабочка, а на другой – череп, дымящий сигарой. Недолго повертев Монету Судьбы между пальцами, Граф Л подкинул ее, и та пропала прямо в воздухе.

– Ты ведь помнишь наш уговор? – спросил он.

С лица девушки мигом сошла вся краска, даже веснушки стали какими-то блеклыми. Она медленно кивнула.

– Если ты будешь себя плохо вести, – продолжил Граф Л, – я верну тебе то, что отнял. И ты снова будешь как-то жить с этими воспоминаниями. Поняла?

Хольда плотно сжала губы и перевела взгляд, полный боли и ненависти, на Графа Л.

– Уговор есть уговор. Я заключаю только честные соглашения. Тебе не в чем меня упрекнуть. А теперь, – Граф Л подошел к ней вплотную и поцеловал в висок, – будь умницей и делай

то, что я тебе приказываю. Нам очень нужны люди, мы уже не справляемся. Ты это понимаешь? На кону стоит все. И еще... – Он перешел на шепот, но Флинн смог расслышать каждое его слово: – Ною уже не вернуть, забудь о ней. Для своего же блага – забудь.

Хольда сжала в руках исчерканный лист бумаги и посмотрела на Флинна.

– И что он уже знает о своем будущем занятии? – спросила она.

– Да почти ни черта, – внезапно сменив тон, беззаботно сказал Граф Л. – Тебе же прекрасно известно, как я не люблю разжевывать одно и то же по миллиону раз.

– Здорово, просто зашибись, – почти прорычала Хольда. – Мне еще и лекции ему читать.

– Я всегда думал, что из тебя вышел бы отличный учитель, если бы ты не умерла так рано. Сколько тебе тогда было? Напомни.

– Девятнадцать.

– Самый расцвет юности, – произнес Граф Л и взял со стола красное яблоко. – Ладно, я удаляюсь, у меня еще гора дел: надо бы все граффити в Инферсити проверить, одежду в прачечную отнести. А ты, – он обратился к стене, точнее, к нарисованной на стене гейше (Флинн почему-то сразу не заметил ее); она держала в руках катану, а ее левый глаз закрывала белая повязка, – внимательно следи за нашей воинственной девой. А то она еще сгоряча дров наломает и подожжет их своим гневом. Такой пожар начнется, уф! – Граф Л несколько раз провел по своим густым черным волосам рукой, как будто те загорелись от несуществующих искр и теперь он тушил их.

– Будет исполнено, хозяин. – Одноглазая Гейша с почтением склонила голову.

– Предательница, – сквозь зубы произнесла Хольда и бросила на нее презрительный взгляд.

Гейша ответила таким же взглядом и повернула катану так, чтобы сверкнуло лезвие.

– Я не могу быть предательницей, потому что я предана своему хозяину, а не тебе. Если я не давала слова, то и сдерживать его не обязана, – грозно ответила Одноглазая Гейша.

– Мои прекрасные воинственные девы, прошу вас, не ссорьтесь, – остановил их Граф Л, примирительно подняв руки. – Все, Хольда, бери Флинна и иди знакомить его с Хебель, а по пути расскажи обо всем, что ему нужно знать. Он теперь твоя ответственность.

– А ведь полчаса назад мне казалось, что этот день хуже стать не может, – шумно вздохнув, сказала Хольда.

– Пожила бы ты с мое, знала бы, что проблемам всегда есть куда расти. Они ненасытные твари, – надкусив яблоко, пробормотал Граф Л. Он размашистым шагом подошел к двери и уже было потянулся к ручке, как вдруг как-то странно взглянул на Флинна. – Чуть не забыл!

Граф Л подкинул яблоко, которое зависло в воздухе, а после задрал правый рукав своей мантии. Всю его кожу от запястья до локтя покрывали одинаковые татуировки – в виде глаза с пятью ресницами. Флинн сразу вспомнил о всевидящем оке – знаке ипокрианства.

– А это, случаем, не вы основали ипокрианство тысячу лет назад? – спросил он и заметил, как перекошилось лицо Хольды.

– Нет, это точно был не я, – помотал головой Граф Л. – Я бы никогда не совершил такую глупость. Религии меня никогда не интересовали. – Он потряс рукой, и одна из татуировок опустилась ему на ладонь. – Держи, Флинн Морфо. Это подарок от меня. – Он крепко пожал правую руку Флинна. – Теперь у тебя есть полный набор: новое тело, душа-напарник и духовное зрение.

Флинн посмотрел на свою ладонь, когда Граф Л отпустил ее, – на ней появилась татуировка в виде глаза.

– Здорово, конечно, но что это зна... – не договорил он.

В комнате внезапно появился кто-то еще. Он стоял за плечом Хольды и бесстрастно смотрел в пространство перед собой. Черные волосы чуть выше плеч, овальное лицо с правильными чертами, безупречная осанка. Это был ее Танат.

– Но ведь... – начал Флинн, выдавливая слова: из-за потрясения все они застряли в горле.

– Чужую Смерть увидеть нельзя, да-да, все так, – закивал Граф Л, подхватывая висевшее в воздухе яблоко. – Но для моих глазастых птенчиков нет ничего такого, что бы скрылось от их пристального взгляда. Наслаждайся своим чудесным прозрением, – сказал он напоследок и покинул комнату, закрыв за собой дверь.

– Ты увидел только моего Таната? Больше ничего странного не заметил? – Хольда скрестила руки на груди и нервно застучала ладонью по левому плечу.

– Нет, – признался Флинн, бегло осмотрев комнату. – Больше ничего не вижу.

– Да уж, духовное зрение у тебя откровенно фиговое.

– А что еще я должен был увидеть?

– Ауру! – воскликнула Хольда, всплеснув руками. – Я сейчас источаю такой гнев, что в твоих глазах должна сиять, как факел. Ладно, пойдем уже к Хебель.

Она быстро подошла к двери, распахнула ее и вышла наружу. Флинн не стал испытывать терпение Хольды и без промедления последовал за ней. А вот их Танаты остались в комнате, они смотрели друг на друга и совсем не шевелились, точно превратились в статуи.

– Кто такие посыльные Смерти? – спросил Флинн, пытаясь не отставать от девушки: она почти перешла на бег.

– Граф Л тебе даже это не пояснил? – С губ Хольды сорвался нервный смешок.

– Я даже не знаю, кто он сам!

– Это в его манере – напустить таинственности, чтобы новички умирали от страха перед неизвестностью. – Хольда закатила глаза. – Граф Л – живой призрак, как теперь и мы с тобой. Только он, в отличие от нас, никогда не был человеком. Он, как и загробные судьи, – создание Творца. Граф Л следит за тем, чтобы в мире живых и мире мертвых все шло так, как задумал Творец. Он – страж порядка. Если представить, что мир – это часы, то Творец – их создатель, а Граф Л должен контролировать, чтобы все шестеренки не прекращали двигаться и стрелки показывали точное время.

– Так вот почему он следит за Инферсити с помощью живых граффити и кальяна со сплетнями. – Теперь для Флинна многое стало на свои места.

– Именно. А еще все духовидцы тоже работают на него.

– Раз Граф Л все так хорошо продумал, зачем ему мы?

– Там, – она замялась, – сложная ситуация.

– Расскажи! – Флинну так осточертела диета из недомолвок, что, наконец дорвавшись до ответов, он никак не мог насытиться.

– Тут не рассказывать надо, а показывать.

Вдалеке внезапно появилась белая звезда, точно вынырнула из тьмы космоса. Она медленно вращалась вокруг своей оси в нескольких метрах от почти невидимого стеклянного пола. Флинн поднял голову и так засмотрелся на нее, что чуть не споткнулся.

– Ого, ничего себе! – восторженно воскликнул он. – А нам точно можно подходить ближе? Она не спалит нас? Мы же вроде как почти живые.

– Не переживай, Хебель нас не тронет, – усмехнулась Хольда. – Мы же сейчас находимся в древнем космосе, это своеобразный мир мертвых для первых звезд. Так что не стоит бояться. Мертвые звезды не могут навредить «почти живым» людям.

– Это и есть Хебель?! – У Флинна от удивления отвисла челюсть.

– Да, это наша помощница. С Хебель и началось все Потусторонье. Она была первой во Вселенной, за кем явилась Смерть...

– И в чем заключается ее помощь?

– Она сдерживает вот это... – ответила Хольда и указала вперед.

Там, подтянув к себе колени и положив на них голову, сидела девушка, одетая в белое платье. Ее темные глянцевые волосы касались стеклянного пола. Флинн не видел лица девушки, но почему-то решил, что она очень несчастна, что она невыносимо страдает.

– Фанабер, – подойдя ближе, обратилась к ней Хольда.

Девушка встрепенулась и подняла голову. Настолько божественную красоту Флинн видел впервые, у него захватило дух. Большие черные глаза, пухлые губы с опущенными вниз уголками, родинка на щеке, фарфоровая кожа – девушка была идеальной. В такую можно влюбиться от одного лишь взгляда. И в чем же она провинилась? Почему на ней металлический ошейник с сияющим белым глазом? Флинну стало так жалко ее. Но, как только она открыла рот, вся жалость мигом испарилась.

– Что это за мерзость? – смотря прямо на Флинна, спросила Фанабер надменным тоном, и из уголков ее безупречных губ потекла черная слюна.

6

Пленница звезды

– Это она про меня?

– Это она про любого, – махнула рукой Хольда. – Фанабер только себя считает совершенством, а остальные для нее так... мусор.

– А разве я не права? – Фанабер продемонстрировала зубы, перепачканные черной слюной. – Вы все – отребье. Жалкие ничтожества. Вы все завидуете мне, поэтому и держите меня здесь.

– Нет, – отрезала Хольда. – Мы держим тебя здесь, потому что ты не в себе.

– Сама ты не в себе, уродливая дрянь! – прошипела Фанабер. – Меня тошнит от одного только вида твоей опаленной рожи!

Хольда пропустила ее слова мимо ушей.

– Что с ней? – спросил Флинн, пораженный увиденным.

– Ею овладело Высокомерие, – ответила Хольда, бесстрастно глядя на Фанабер.

– Ну... я знал многих высокомерных девушек, но ни разу не видел, чтобы у них черная слюна текла изо рта. – Флинн на всякий случай порылся в памяти, но так и не смог припомнить ни одного подобного случая.

– В этом-то и проблема, – тяжело вздохнула Хольда. – Фанабер не просто высокомерная. Она одержима демоном Высокомерия.

– Как это?

– А вот так. Лет двадцать назад стали появляться такие, как она. Раньше демоны обретали форму только в мире мертвых – на испытаниях. Они отделялись от человека, и он мог посмотреть на себя со стороны, сразиться со своей темной сущностью и усмирить ее. А сейчас все изменилось. Фанабер была обычной девушкой, но она позволила своему демону взять верх над собой, дала ему возможность творить все что угодно.

– И почему так происходит? – У Флинна голова заболела от жужжащих в ней вопросов.

– Мы не знаем, – пожалала плечами Хольда. – Но так быть не должно. Творец не задумывал такого, а значит, они появляются не сами по себе. Кто-то помогает им становиться такими. И самое паршивое, что эти твари еще и бессмертные. У них нет Танатов! Они куда-то исчезли!

– Неужели такое возможно? – Флинн присел на корточки, внимательно рассматривая прекрасную, но в то же время отвратительную девушку.

– Раньше многое не было возможно, а сейчас... сам видишь. Когда душа переселяется в новое тело, она подписывает контракт, что жизнь дается ей временно и что в конце за ней придет Смерть, чтобы отвести обратно в мир мертвых. Таков замысел Творца. Они же его нарушают.

– А вы не можете сами у них узнать, кто их создает? Дайте им что-то вроде сыворотки правды и допросите.

– Мы пытались! – с жаром произнесла Хольда. – Но они упорно молчат. Некоторые даже собственные языки сожрали, только бы ничего нам не рассказывать. Им не место в мире живых, потому что у них нет Смерти, им не место в мире мертвых по той же причине: их просто некому проводить за черту. Поэтому нас и называют посыльными Смерти. Мы забираем тех, кого Властелин Смерти не может забрать сам. Мы отлавливаем всех одержимых, которых можем найти, и держим их здесь – на границе мира живых и мертвых. Хебель помогает нам, она берет их в плен с помощью своей гравитации – не дает сбежать. По правде говоря, мы не знаем, что с ними делать, но их становится все больше и больше. И все они почему-то появляются исключительно в Инферсити.

– А Властелин Смерти не может создать новых Танатов для них? – Флинн повернул голову и поднял глаза на Хольду.

– Нет, у всех есть только один Танат, если он исчезнет – новый не появится. Вот поэтому они и бессмертные – у них попросту больше нет Смерти! И куда подевались их Танаты – самая большая загадка.

– Как же вы меня задрали своим бесконечным трепом, – с ядом в голосе сказала Фанабер и сжала свои виски ладонями. – И болтаете, и болтаете. Вырвать бы ваши языки, чтобы хоть немного побыть в тишине.

– Фанабер, заткнись. У меня нет желания слушать твоё нытье, – грозно ответила Хольда.

– Какая же ты мерзкая, уродливая сука, – скрипя зубами, процедила Фанабер. Из ее рта потекло еще больше черной слюны, а на голове прорезался круг темных кристаллов.

– О, смотри, Флинн, ее демон начинает проявляться все сильнее, – произнесла Хольда, указывая на кристальную корону. – Все демоны выглядят по-разному, впрочем, ты и сам об этом знаешь. Так вот, когда они соединяются с людьми, то получается некий гибрид – человек с чертами демона. Сначала эти черты малозаметны, но чем сильнее демон, тем меньше человеческого остается во внешности одержимого.

– Вы только посмотрите на нее, – оскалилась Фанабер. – Безобразная тощая стерва пытается чему-то научить своего умственно отсталого друга.

Она залилась смехом, широко разинув темный рот. Кристальная корона на ее голове выросла еще, а черная слюна струями полилась на белое платье. И тут Фанабер вдруг закашлялась и опустила голову.

– Жалкое зрелище, да? – с едва уловимым сочувствием проговорила Хольда. – Она совершенно не осознает, насколько отвратительно выглядит в чужих глазах, и считает себя настоящей королевой.

– Сама ты жалкая, дрянь! – Фанабер кинула на Хольду брезгливый взгляд, но вдруг отвлеклась и уставилась на Флинна. – Какая красивая вещь, – с замороженным видом пробормотала она и протянула испачканную руку к заколке-бабочке.

– Нет! – Флинн быстро поднялся на ноги, отпрянул и прикрыл заколку рукой, защищая ее от жадных глаз Фанабер.

– Как это «нет»?! – взвизгнула Фанабер и вскочила с места. – Все самое прекрасное в этом мире должно принадлежать мне. Только я заслуживаю самого лучшего – и никто другой. Только я достойна иметь все, что пожелаю!

Она попыталась сделать несколько шагов, но у нее не вышло: гравитация белой звезды позади нее не дала ей сдвинуться с места. Фанабер схватилась за свой металлический ошейник, и нарисованный на нем глаз засиял ярче, ослепляя белоснежным светом.

– Какая она дикая, – опасливо косясь на одержимую девушку, сказал Флинн. – Демоны в доме Испытаний поспокойнее были.

– Фанабер еще самая безобидная, – ответила Хольда. – Забудь о том, что было на испытаниях. Прошлый опыт тебе не особо поможет.

– Почему?

– Там ты сражался со своими демонами, а чем лучше человек, тем они слабее. Считай, что ты не видел демонов в их истинном облике.

– Рано ты делаешь выводы обо мне. Мы только сегодня познакомились, а у меня на лбу не написано, хороший я человек или нет, – нахмурился Флинн и повел плечами.

– Граф Л тебя бы не взял, если бы ты был каким-нибудь последним отморозком.

– Кодекс чести не позволил бы?

– Причина не в этом, – сказала Хольда, качая головой. – Сейчас у нас настолько хреновая ситуация с посыльными Смерти, что Граф Л даже из Лимба достал бы души и нанял их, если бы это было возможно.

– Тогда почему выбрали именно меня? Что во мне такого особенного?

– Объективно есть только две причины. Первая: ты относительно неплохой человек, иначе ни одна древняя душа не выбрала бы тебя в напарники. А вторая причина заключается в том, что тебе снились цветные сны. – Увидев замешательство Флинна, Хольда продолжила: – Мертвые видят мир живых в своих снах как черно-белое немое кино, верно же? А если происходит так, что все вокруг вновь становится красочным, воздух опять наполняется ароматами и слышны звуки, пусть и на короткий миг, то это значит, что мир живых перестал отторгать душу и принял ее как нечто родное.

– Точно, все так и было... – прошептал Флинн, прикоснувшись к своему виску. – Я почему-то думал, что Инферсити в моих снах обретал краски только тогда, когда происходило что-то необычное: когда я разговаривал с живыми граффити или встречался с Графом Л в «Черном кролике».

– Нет, не поэтому, – ответила Хольда. – Просто мир живых вдруг решал принять тебя обратно. Только такие, как мы, могут стать чем-то средним между человеком и призраком. Других же, даже если они получают новое тело, сразу потянет обратно в Потусторонье.

– Приятно осознавать, что во мне есть нечто особенное, – заулыбался Флинн.

– Только не смей зазнаваться, а не то демон Высокомерия тоже пустит в тебе корни, – предупредила Хольда. – Посмотри, что случилось с Фанабер.

– Опять эта болтовня! – простонала одержимая и согнулась пополам, будто ее мучила боль в животе. – Захлопните свои мерзкие рты!

– А она точно демоном Высокомерия одержима? – призадумавшись, спросил Флинн. – То, что сидит в ней, больше смахивает на демона Сквернословия. И, кстати, где все остальные одержимые? – Он завертел головой, но никого рядом не увидел.

– Мы держим их отдельно друг от друга. Им нельзя находиться рядом: от этого они становятся неуправляемыми, – ответила Хольда.

– Неуправляемыми, – прошептала Фанабер. – Неуправляемыми, неуправляемыми, неуправляемыми, – повторяла она, как заведенная. – Н-е-у-п-р-а-в- л-я-е-м-ы-м-и.

Фанабер непрерывно произносила это слово – с разной интонацией, с разной громкостью, то четко, то невнятно, – пока не забилась в конвульсиях. У Флинна мурашки пробежали по коже и дыхание сперло, он почувствовал себя внутри фильма ужасов.

– Надо бы позвать какого-нибудь экзорциста, – сглотнул он, отступая на несколько шагов назад.

– Собственного демона нельзя выгнать – только приструнить, но Фанабер сама этого не делает, – серьезным тоном сказала Хольда и напряглась. Видимо, ей тоже не нравилось происходящее.

Фанабер вдруг притихла, словно из нее вынули все шестеренки, благодаря которым она двигалась. Неторопливо, как будто в замедленной съемке, она выпрямилась и посмотрела прямо на Флинна большими печальными глазами. Казалось, что из них вот-вот хлынут слезы. Тонкие брови Фанабер поползли вверх, а ее идеальные губы, залитые черной слюной, приоткрылись.

– Все самое прекрасное в этом мире должно принадлежать мне, – прошептала Фанабер и отняла руки от ошейника – белый глаз на нем больше не сиял.

– Флинн, беги!!! – От испуганного крика Хольды задрожал воздух.

И Флинн побежал. Он развернулся и так быстро помчался, точно хотел опередить свет, испускаемый звездами. Его кожаная куртка надулась парусом, а подошвы кроссовок с таким гулом опускались на стеклянный пол, что эхо, наверное, разносилось по всему древнему космосу. Флинн представлял себя кометой, летевшей к своей звезде: какая-то сила тянула его вперед – подальше от свихнувшейся Фанабер. Не сбавляя темпа, он сорвал с груди заколку-

бабочку и спрятал ее во внутренний карман куртки. Никто и никогда не отнимет у него частичку Кейти! Она навеки останется с ним.

Он не смел оглядываться, но в глубине души надеялся, что Фанабер давно отстала. Хрупкая надежда рухнула вместе с ним: Флинна так сильно прижало к полу, что он услышал хруст собственных костей.

Фанабер сидела на его спине, заливая ее мерзкой слюной: капли гулко ударялись о кожаную куртку. Девушка опустила голову, и ее тяжелое дыхание ударило в его шею, вызвав дрожь, которая скользнула вниз и страхом поселилась в животе. Резким движением Фанабер развернула Флинна к себе лицом и нависла над ним. Черные слюни стекали на его щеки, обдавая ледяным холодом.

– Зря, зря, зря, – повторяла она. – Зря ты не отдал то, что должно принадлежать мне. Теперь я заберу это силой. – Фанабер замолчала и улыбнулась, но вскоре ее лицо исказилось от ненависти, и она прокричала: – Заберу вместе с твоим сердцем!!!

Рука Фанабер легко погрузилась в грудь Флинна, как будто раскаленный нож в масло. Он задохнулся от боли: острые ногти впились в его сердце, которое сделало еще пару слабых ударов, а потом обмерло, точно маленькая, беззащитная птичка в когтях ястреба.

– Ты полное ничтожество. – Холодный шепот Фанабер раздался у самого уха Флинна. – Ты – никто. Ты никому не нужен, ты недостойн видеть этот мир. Я выцарапаю твои глаза, но сначала вырву твое сердце.

Его тело словно покрылось каменным панцирем: он все понимал и чувствовал, но не мог пошевелить и мизинцем. Фанабер сильнее сжала руку и дернула ее на себя, выбив из Флинна протяжный стон. Послышался треск – наверное, несколько ребер сломалось, – но сердце так и осталось на своем законном месте. Фанабер раздраженно зарычала, сделала еще одну попытку, а потом с визгом вытащила руку и начала на нее дуть: посреди ее ладони был ожог в форме бабочки.

Сердце Флинна неуверенно забилось, и его тело опять стало послушным. Он, преодолевая боль от разбушевавшегося в груди пожара, оттолкнул от себя Фанабер. Она кубарем покатилась вперед, но, быстро вскочив на ноги, угрожающе зашипела и снова приготовилась напасть на Флинна. Согнув спину, Фанабер ринулась на него, но внезапно остановилась и удивленно посмотрела на свой живот, из которого торчала сияющая стрела. Черная корона упала с ее головы и растворилась. Глаза Фанабер закатились, и она грохнулась на пол, сотрясая древний космос раскатистым эхом.

7

Нить мертвеца

Голос Хольды пробивался сквозь пелену боли, и Флинн уцепился за него, чтобы не сорваться в бездну беспамятства. Он не различал слов: все они превратились в жужжащий рой из отдельных звуков, который влетал в его голову и тут же вылетал обратно, не оставляя после себя ни капли смысла. Флинн попытался открыть веки, но они будто срослись. Весь его мир сузился до невыносимой боли, захватившей каждую клеточку тела, и неразборчивого шепота Хольды.

Резкий вдох расправил легкие, и Флинну захотелось закричать, как новорожденному, но крик застрял в районе кадыка и обернулся кашлем.

– Наконец-то оклемался, – сказал Граф Л совершенно безмятежным голосом.

Распахнув глаза, Флинн увидел, как в чернильном океане над головой вальяжно плавали звезды: одни сбивались в плотные стайки, а другие, наоборот, предпочитали сиять в полном одиночестве. От яркого света захотелось зажмуриться, но он боялся, что тогда сознание снова попытается отключиться.

– Мы уже хотели тебя землей забросать, – опять заговорил Граф Л. – Я понимаю, что умирать для тебя дело далеко не новое, но не превращай этот процесс в привычку. У нас звездной пыли не хватит, если ты будешь каждый день отдавать концы.

Флинн открыл рот, но вместо ответа из него вырвался болезненный стон. Он повернул голову, и хруст позвонков врезался ему в уши.

Граф Л сидел на стуле и дымил кальяном со сплетнями, который покоился рядом, на маленьком пуфике. Флинн лежал на кровати в комнате без потолка. Он хотел рассмотреть ее получше, но от каждого движения плыло перед глазами, поэтому он решил оставить это занятие на потом: когда душа прекратит попытки отделиться от тела.

– Я из-за тебя, между прочим, не успел отнести вещи в прачечную, – с упреком продолжил Граф Л. – Ну и как следить за порядком, если вокруг одни болваны? Только подумаешь, что все у тебя под контролем, что ни одна пылинка не ляжет там, где чисто, как нате вам – целая гора проблем. Разгребай как хочешь. Хольда, солнце мое, поведай мне как на духу, каким таким волшебным образом Фанабер смогла преодолеть гравитацию Хебель?

– Да пес ее знает, – ответила Хольда. Она стояла у двери, накрытая густой тенью. – Фанабер увидела у Флинна синюю заколку на груди и так захотела ее, что демон Высокомерия просто взбесился. Все настолько быстро произошло, что я не успела вовремя среагировать.

– Хорошо, что хоть подросла, когда наша проказница Фанабер еще не начала рвать новое тело Флинна на куски. Собирали бы его потом по всему древнему космосу. Ладно, с Фанабер я потом сам разберусь: нужно понять, что случилось, чтобы больше не допустить подобного. Будет крайне неприятно, если все наши одержимые товарищи вдруг сорвутся с гравитационной цепи Хебель. Такой бедлам начнется, – хмыкнул Граф Л и выпустил струю сиреневого дыма – послышался знакомый гомон всех сплетников Инферсити.

– Мне так плохо, – только и смог выдавить Флинн.

– Конечно, плохо. Я бы очень удивился, если бы тебе сейчас было хорошо.

– Когда мне полегчает?

– Надеюсь, что завтра. А если нет, то, как и планировали, мы тебя закопаем.

Флинн хотел ответить, но хриплый кашель помешал ему.

– Хватит тратить силы впустую. – Граф Л встал, засунул под мышку кальян со сплетнями и направился к Хольде. – Давай, закрывай глаза и постарайся уснуть. И не умереть во сне тоже постарайся, – бросил он, даже не обернувшись.

Уговаривать Флинна не пришлось: усталость потянула веки вниз. Хлопнула дверь: Граф Л и Хольда ушли, а вот желанный сон никак не приходил. Вместо него явились странные, какие-то посторонние мысли, как будто кто-то насильно влил их в голову. Флинн думал о том, что он полное ничтожество, что он слабак, раз не смог противостоять Фанабер, а поэтому пользы от него никакой. Что он сделал? Сбежал! Как и много раз до этого. Он постоянно убегал от проблем, а они все множились и множились – и уже целой ненасытной стаей преследовали его. Быть посыльным самой Смерти? Смех, да и только! Он даже курьером мистера Баедда был откровенно хреновым. Потерять чертов конверт – это же надо было так проколоться! Да ему нужно дать премию «Идиот года»! Можно даже не проводить конкурс, все равно большего идиота во всем мире не сыщешь.

В мыслях всплыли слова Хольды о том, что демоны на его испытаниях были намного слабее, чем те, которые управляют одержимыми. А ему ведь даже не пояснили, что нужно делать, чтобы побороть их! Что, если у него не получится? Если у него не хватит сил? Ни духовных, ни физических. Как он сможет победить чужих демонов, если и своих до конца так и не усмирил? Вдруг Граф Л все же не шутил? Вдруг у него действительно заберут тело, а его душу сошлют в Лимб? Все эти мысли клевали голову, не давая забыться сном, и сердце сжималось так сильно – намного сильнее, чем когда его схватила Фанабер своей омерзительной рукой. Но вскоре что-то теплое легло ему на грудь, и все прекратилось: сердце забилося ровно, а хищные мысли, перестав терзать Флинна, улетели в небытие. Мир сновидений одеялом укрыл его, наконец-то подарив долгожданный покой.

– Утро-о-о, чуде-е-есное-е-е утро-о-о, – пропел бархатный голос.

«Что происходит? В кого швырнуть кроссовку, чтобы он заткнулся? – лениво подумал Флинн. – Пора бы ввести уголовную ответственность за прерванный сон...»

– Пре-е-екра-а-аснейшее утро-о-о.

– А можно потише? – так и не открыв глаза, пробормотал Флинн. – И вообще... какое, к черту, утро? Мы же в космосе, тут не бывает рассвета... Дайте поспать еще...

– Это правда, – мягко ответил все тот же голос, – в древнем космосе действительно не бывает рассвета, но вот в моем мире он наступает каждый день.

«В моем мире? Что? Бред какой-то!» – мелькнуло в голове Флинна.

А может... Граф Л вчера отволок его в какой-то аналог больницы? И тут вместе с ним лежат всякие – как любил выражаться его отец – душевнонездоровые? Чтобы проверить свою догадку, Флинн заставил себя открыть глаза, но в них сразу же ударил яркий звездный свет – и веки сомкнулись сами собой. Нужно попробовать еще. Нет, не получается, ресницы будто в свинец окунули: веки не поднять.

– Сла-а-авное утро-о-о...

Раздражение, зародившееся где-то в груди, поднялось вверх и помогло Флинну широко распахнуть глаза.

– Я же просил потише! – сев в кровати, воскликнул он.

От резкого подъема закружилась голова, и звездыплыли уже не только вверх, но и внизу – вдоль стен. Правда, они ему лишь мерещились. Когда белые точки перестали назойливо плясать перед глазами, Флинн осмотрелся в поисках того, кто прервал его сон. По правую сторону была синяя входная дверь, рядом на крючке висел зонт лимонного цвета, напротив кровати находился камин, где вместо огня парила небольшая комета с белым хвостом, на каминной полке в склеенной вазе благоухали белые лилии, а слева – у занавешенного окна – стоял шкаф... тот самый, который был в его комнате в квартале Убийц, – шкаф с секретами.

– Нет, только не снова, – прошептал Флинн и яростно сжал простыню. У него будто вынули все внутренности и вложили вместо них ледяную глыбу. – Вы издеваетесь? – спросил

он, взглянув на звезды, словно это им принадлежала идея поставить этот проклятый шкаф сюда.

Флинн подтянул к себе ноги, посильнее сдавил руками голову, точно хотел расколоть ее, как грецкий орех, и резанул пространство криком отчаяния. Неужели им было мало его страданий в Чистилище? Нет, хватит! Он больше не позволит терзать себя! Флинн резко повернулся, прожигая шкаф ненавидящим взглядом, а потом вскочил с кровати и вмиг оказался перед ним.

– Я покончу с этим. Здесь и сейчас. Летите куда угодно, только подальше от меня! – прорычал он, думая, что сейчас из шкафа выпорхнут его тайны в виде синекрылых бабочек и разлетятся по всему древнему космосу.

Флинна уже не пугало то, что всякий, на кого они сядут, сможет узнать все его темные секреты. Лучше уж жить с душой нараспашку и ловить на себе осуждающие взгляды, чем вечно бояться своего прошлого.

Он без колебаний распахнул дверцы и увидел треклятых бабочек. Вот только не настоящих, а нарисованных на внутренних стенках шкафа.

– Граф Л... – прошипел Флинн, сжимая зубы до скрежета. – Уверен, это его рук дело.

– О, вовсе нет, – ответил все тот же голос, что и разбудил его. – Он не настолько жесток, чтобы шутить подобным образом. Эта комната – плод твоего подсознания. Это оно ее создало, так уж тут заведено.

– Ты бы показался, что ли, а то мне кажется, что я сам с собой разговариваю. – Флинн завертел головой, но в комнате по-прежнему никого не было, если не считать его самого.

– Раздвинь портьеры – и я предстану перед тобой, – произнес незримый собеседник.

Флинн подошел к окну и сделал так, как ему сказали. Окна он не увидел: вместо него была глухая стена, а на ней нарисованный енот, одетый в желто-оранжевую накидку, перекинутую через одно плечо; его шею украшали нефритовые бусы, а в когтистых лапах, сложенных лодочкой, покоился розовый лотос. Енот сидел на траве, скрестив задние лапы, а за его спиной простиралось цветущее поле, упиравшееся в горную гряду, из-за которой уже вынырнуло солнце.

– До-о-оброе-е-е утро-о-о, Фли-и-инн Морфо-о-о, – пропел енот, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Граф Л послал тебя следить за мной? – Флинн нашел глазами подпись под граффити: «Божественный Енот, работа Графа Л».

– Не следить, – возразил Божественный Енот, – а помогать держать связь с моим хозяином, отвечать на вопросы, да и просто составить компанию. Ведь всем нужны друзья.

– Мне никто не нужен, – сказал Флинн и задвинул портьеры обратно. Даже в космосе ему не дали побыть наедине с собой!

– Ты заблуждаешься, всем нужны друзья, – не отступал Божественный Енот.

– Мне сейчас необходим только покой. Но, видимо, здесь я его не найду, – проворчал Флинн, развернулся и подошел к камину. Он подставил руки к хвосту кометы, но тепла не ощутил.

– Покой нужно искать не снаружи, а внутри, – умиротворенным голосом ответил Божественный Енот. – Кстати, к тебе гости, – добавил он.

Входная дверь со стуком отворилась, и висевший рядом зонт содрогнулся. На пороге с воинственным видом стояла Хольда. Ей только не хватало развевающегося плаща за спиной, меча в руках и грозной музыки на фоне, а так – вылитая валькирия.

– Собирайся, мы идем, – выдала она без лишних объяснений.

– Куда? – спросил Флинн. – И почему ты вошла без стука? А если бы я тут голышом ходил?

– Не беспокойся, я бы как-нибудь пережила эту психологическую травму, – съязвила Хольда. – Пошевеливайся!

Флинн схватил свою куртку, лежавшую на кровати, проверил, на месте ли закладка-бабочка (она по-прежнему была во внутреннем кармане, куда он спрятал ее от Фанабер), и подошел к Хольде.

– Спасибо, – сказал он, пристально посмотрев ей в глаза, в глубине которых полыхал огонь.

– За что? – растерялась Хольда, и ее редкие брови изогнулись.

– За то, что спасла меня от Фанабер, – ответил Флинн.

– Если бы ты умер в первый же день, когда Граф Л доверил твоё обучение мне, он бы с меня шкуру спустил, так что не благодари. Это моя обязанность, – не отводя взгляда, произнесла Хольда.

– Тогда бы нам обоим не поздоровилось, – заулыбался Флинн. – Тебе бы влетело от Графа Л, а мне бы пришлось идти за новым телом и терпеть всю ту дичайшую боль. – Его передернуло от воспоминаний.

– Да, процесс не из приятных, но на пятый раз привыкаешь.

– Ты теряла тело пять раз?!

– Нет, целых двенадцать. – Хольда сжала губы и посмотрела на свои ботинки со шнуровкой. – Я же говорила, что одержимые намного опаснее демонов в Чистилище.

– Говорила, – подтвердил Флинн, – но так и не сказала, как же их побороть.

– Пойдем уже, – поторопила Хольда. – Расскажу тебе обо всем по дороге в Инферсити.

– Э-э-э... в Инферсити? – У Флинна от удивления язык чуть не отнялся. – Так скоро? Я думал, что сначала буду учиться бороться с одержимыми...

– Чтобы бороться с ними, их сперва нужно выследить, а это не так уж и просто, поверь мне.

Хольда развернулась и напряженно зашагала. Флинн быстро накинул на себя куртку, вышел из комнаты и закрыл дверь, на внешней стороне которой обнаружил нарисованного змея. Флинн замер. В его голове завертелись кусочки мозаики и сложились в единую картину: Фанабер усмирили, проткнув золотистой стрелой, и на двери в комнату Хольды тоже изображена стрела. Он все понял!

– Ты использовала душу-напарника, чтобы подавить демона Высокомерия, так ведь? – догнав Хольду, спросил Флинн.

– Да, все так, – кивнула она, не сбавляя темпа. – Представь, что мы ружье, а они – наши патроны.

– То есть надо просто «пальнуть» душой-напарником по одержимому, надеть на него ошейник – и все? – У Флинна даже настроение поднялось. Все не так сложно, как он себе представлял!

– Ты кое о чем забыл.

– О чем же?

– О том, что заставляет патрон вылететь из ружья! – Хольда остановилась, и Флинн непонимающе глянул на нее. – О порохе! – воскликнула она, всплеснув руками. – В этом и состоит вся сложность: чтобы древняя душа смогла пронзить одержимого, ей нужен заряд. И его должны дать мы, а это очень непросто, учитывая, что заряд – это наши добродетели. Справедливость, мужество, сила воли, скромность, терпение! Как считаешь, в тебе всего этого достаточно, чтобы древняя душа смогла сразить одержимого?

– Вряд ли. – Флинн поник, от его хорошего настроения и следа не осталось.

Хольда смирила его изучающим взглядом, будто искала в нем какой-то изъян, и продолжила идти.

– Правильно думаешь, – через плечо бросила она. – Я знала людей, которые были лучше тебя, но и они не всегда справлялись с этим. Скажи, твой напарник еще не общался с тобой?

– Нет, – ответил Флинн, пытаясь увернуться от мелких метеороидов, возникших на пути. – После Призрачного грота он вообще не подавал признаков жизни. Застыл в виде татуировки на моей руке – и все.

– Ошибаешься. Именно он вчера спас тебя после нападения Фанабер. Духовные напарники – не только оружие против одержимых, они еще и наши защитники, наши целители. – Хольда отмахнулась от кружившего рядом с ее головой метеороида, как от назойливой мухи. – Ты вчера чувствовал себя паршиво? Наверное, всякие гадкие мысли в голову лезли? Я же права?

– Права, – согласился Флинн. Он еще тогда заподозрил, что все эти мысли были какими-то посторонними, пришедшими извне.

– Фанабер вчера отравила тебя. Одержимые умеют залезать в душу и очернять ее. – Хольда щелкнула языком. – Короче, они те еще мерзкие твари.

Вдалеке показался огромный медный столб, с вершины которого вниз спускались сияющие нити. Сначала Флинн решил, что это какая-то телефонная станция, но, подойдя ближе, понял, что ошибся. Над столбом парила голова – тоже медная. Она медленно вращалась вокруг своей оси, и Флинн насчитал на ней аж восемь женских лиц. Увидев всю картину целиком, он подумал, что эта странная «особа» в окружении сияющих нитей напоминала ему танцовщиц в платьях с бахромой, тех самых, которые лет шестьдесят назад выступали в ночных клубах Шикаго (одного из городов мира живых, отделенного от Инферсити океаном).

– Знакомься, Флинн, это Ариадна – хранительница всех дорог Потусторонья, – произнесла Хольда.

– Как? Та самая, из путеводителя? – изумился Флинн. Он почему-то и представить себе не мог, что у Ариадны где-то есть подобие тела: для него она всегда была просто голосом, подсказывающим, куда идти.

– Да, та самая. Без Ариадны нам никак не обойтись. Она с помощью своих нитей привяжет нас к Потусторонью: только так мы сможем покинуть его.

– Но ты же говорила, что таких, как мы, мир живых принимает с распростертыми объятиями.

– Мы не должны терять связь с Потустороньем, иначе мир живых может взять нас в плен, а это чревато...

– А нити не мешают нам передвигаться? – Флинн представил себе, как золотые нити опутывают все улицы Инферсити, превращая город в паучье гнездо.

– Нет, они умеют проходить сквозь препятствия. – Хольда повернулась к Ариадне спиной и подняла темно-рыжие волосы, оголив шею. – Ариадна, привяжи меня к миру мертвых.

Медная голова перестала вращаться, и одна из нитей осторожно, точно питон, боящийся спугнуть свою жертву, подползла к Хольде и стремительно вцепилась в ее шею. Девушка даже не вздрогнула; она опустила волосы, слегка пригладила их и поправила черную замшевую куртку.

– Твоя очередь, – сказала она и уступила свое место Флинну.

Прочистив горло, он сделал неуверенный шаг, встал точно там, где только что была Хольда, и повернулся к Ариадне спиной.

– Ариадна... – Флинн запнулся, от волнения забыв нужные слова.

– Привяжи меня к миру мертвых, – терпеливо подсказала Хольда.

Флинн выпрямил спину и уже более уверенно произнес:

– Ариадна, привяжи меня к миру мертвых.

Он не видел, как к нему подползала сияющая нить, но почувствовал ее на расстоянии. Его голова против воли наклонилась назад; ледяная игла проткнула шею, и знакомый холод

растекся по венам. Тот же холод царил и в костяном коридоре резиденции Смерти. Флинн будто оказался на вершине горы, где свирепствовал буран.

– А почему тебе не холодно? – стуча зубами, спросил Флинн.

– Опыт, – сказала Хольда, пожав плечами. Она залезла во внутренний карман своей куртки и достала серебристую флягу с выгравированным на ней кроликом. – Выпей, это поможет согреться.

Он трясущейся рукой взял флягу, кое-как открутил крышку и сделал глоток. Внутренности обдало таким жаром, словно где-то в районе его живота растопили камин. Из рта повалил дым, и когда Флинн закашлялся, то к дыму присоединились еще и оранжевые искры.

– Круто, да? – заулыбалась Хольда. – Ты только не увлекайся, а не то и самовоспламениться можно, – предупредила она, забирая флягу.

– Что это было? – еле выговорил Флинн осипшим голосом.

– Коктейль «Дыхание дракона». – Хольда тоже отпила из фляги и, выпустив изо рта несколько искр, спрятала ее обратно во внутренний карман куртки.

– Очень сильная штука.

– Шивонн других и не делает.

– Кто такой Шивонн? – спросил Флинн, стуча ладонью по своей груди: искры все никак не хотели покидать ее. Они поднимались вверх, трещали где-то в горле, а потом снова опускались вниз. Ох, ну и адская изжога у него будет!

– Скоро узнаешь, – загадочно ответила Хольда. Она подняла голову и сощурилась. – О, наши уже едут.

Из темноты космоса, противно скрипя, опустился лифт. Решетку отодвинул Танат Флинна, рядом с ним стоял Танат Хольды.

– Как прошла партия? – поинтересовалась Хольда, зайдя в лифт.

– Если бы я мог испытывать эмоции, то абсолютно точно ответил бы, что было весьма занимательно, – ответил Танат Хольды.

– Но так как ты бесчувственный чурбан, то было никак, да? – рассмеялась Хольда, и Флинн удивился тому, насколько фамильярно она общалась со своей Смертью.

– Какая еще партия? – спросил Флинн, тоже зайдя в кабину лифта.

– Партия в покер, – бесцветным голосом сказал его Танат. – Граф Л каждую пятницу устраивает вечер покера, где собираются все Танаты посыльных Смерти.

Флинн с улыбкой представил себе эту картину: Граф Л сидит за круглым столом и пытается обыграть не одну Смерть, а сразу несколько. Рисковый парень этот Граф Л.

Фантазии Флинна прервала Хольда: она задвинула решетку и нажала на кнопку с номером 0. Лифт издал звон и двинулся вниз. Сияющая нить, приросшая к шее, немного натянулась, и сердце Флинна затрепетало от предвкушения. Мир живых ждал его.

8

«Зеркальный кролик»

По просторному залу растекался тихий блюз. Ему как-то удавалось не смешиваться с гомоном людских голосов, а течь ясным потоком, как подводная река течет посреди моря, не сливаясь с ним в единое целое. За барной стойкой находилось зеркало во всю стену, и прямо к нему крепились полки с бутылками, которые с легким звоном подрагивали в такт музыке, напоминая этаким стеклянный хор. Запах жженого сахара решил, что он тут полноправный хозяин, поэтому пропитал собой все: и лиловый бархат диванов, и полупрозрачные абажуры, рассеивающие голубоватый свет ламп, и низкие деревянные столики, перебивая их родной запах лака.

– Долго еще будешь стоять как истукан? – спросила Хольда, всем своим видом показывая, что она борется с желанием вытолкать Флинна из кабины лифта.

– А это точно мир живых? – Флинн осторожно высунулся наружу, с подозрением рассматривая зал. Чутье подсказывало ему, что здесь кроется какой-то подвох.

– Не совсем. Бар «Зеркальный кролик» – это нейтральная зона, – уточнила Хольда. – Здесь собираются все посыльные Смерти перед тем, как пойти на задание.

– То есть все эти люди – посыльные Смерти? А где же их Танаты? Я ни одного не вижу. – Подозрительность Флинна обострилась еще больше.

Хольда мотнула головой, и ее косички хлестко ударили по замшевой куртке. Она тихо фыркнула и, расправив плечи, вышла из лифта, так и не ответив Флинну.

Следом из кабины выскользнул ее Танат, с которым, как только его начищенные до блеска туфли коснулись глянцевого пола, начали происходить стремительные перемены. Его силуэт будто залили черной краской, затем он потерял четкость и стал сжиматься. В воздухе повисло бурлящее темное пятно, постоянно менявшее форму, пока не приобрело очертания бабочки, вырисовывая нечто знакомое. Передние крылья – коричневые, задние – желто-оранжевые, полосатое брюшко, похожее на пчелиное, толстые усики и рисунок на груди в виде человеческого черепа. Флинн раньше видел эту бабочку – в энциклопедии, которую однажды дала ему Кейти, – это была мертвая голова. Только вот ее размеры поражали: размах крыльев был не меньше двадцати сантиметров!

Мертвая голова перестала неподвижно висеть в воздухе. Она упорхнула и села на спину Хольды, превратившись в рисунок на ее куртке.

– Ну где ты там? – обернувшись, спросила Хольда. – Шевелись! А не то господин Аяк опять будет жаловаться Властелину Смерти, что посыльные вечно задерживают лифт.

Флинн, стряхнув оцепенение, быстро покинул кабину. За его спиной с бряцанием задвинулась решетка, и он машинально повернул голову – его Таната и след простыл. Догадавшись, в чем дело, Флинн снял кожаную куртку и глянул на нее. На задней стороне теперь была такая же мертвая голова, как и у Хольды.

– Предугадывая вопрос, отвечаю, – начала Хольда, – наши Танаты должны всегда сопровождать нас в мире живых – таков порядок, – но, чтобы не отвлекать нас, они принимают другую форму. Смерть теперь всегда за нашими спинами, – усмехнулась она.

– А мы разве не выдадим себя? Ты же говорила, что одержимых сначала нужно выследить, а если они увидят мертвую голову, то все поймут и разбегутся, – сказал Флинн, надев куртку.

– Нет, этих бабочек видят только посыльные Смерти и духовидцы, – растолковала Хольда. – И нити, связывающие нас с миром мертвых, тоже видим только мы и духовидцы, –

поспешно добавила она, как только Флинн раскрыл рот. – Духовное зрение тебе не просто так дали.

Хольда уверенным шагом направилась к барной стойке; встречавшиеся на ее пути люди расступались, как будто она была акулой, а они пугливой стаей рыб. Флинн следовал за ней как на привязи, кидая по сторонам непонимающие взгляды. То тут, то там он выуживал обрывки фраз: «Опаленная пошла». – «Смотри, делает вид, что ничего не произошло». – «Это все ее вина... Бедная Ноя».

– Шивонн, два «Живительных нектара»! И выдай новенькому его флягу! – крикнула Хольда, уютившись на высоком барном стуле.

– Популярностью среди посыльных Смерти ты явно не пользуешься, – шепотом сказал Флинн, пристраиваясь рядом. – Почему они так отреагировали на твое появление?

– Давняя история, – с безразличием ответила Хольда, едва заметно постукивая ногтями по стойке. – Но ты прав: здесь в кого ни плюнь, обязательно попадешь в того, кто меня, мягко говоря, недолюбливает.

– Как же они тогда с одержимыми сражаются? Где же их добродетели? Разве осуждение других – это нормально?

– Для людей это так же нормально, как и дышать. – Хольда нервно засмеялась. – Легче все тайны мира разгадать, чем отыскать того, кто бы ни разу никого не осуждал.

Два полных стакана скользнули по мраморной поверхности стойки и остановились прямо напротив Хольды и Флинна.

– А флягу сейчас смежаю, – подмигнул внезапно нарисовавшийся перед ними бармен.

Флинн старался не пялиться на Шивонна, чтобы не показаться грубым, но внешность у того была очень нетипичной: шесть рук ловко подбрасывали бутылки с разноцветными неоновыми жидкостями, черные закрученные рога то и дело цеплялись за низко висящие лампы, отчего свет иногда уползал в сторону, ненадолго уступая место полутьме. Под белой накрахмаленной рубашкой играла целая гора мышц, будто Шивонн не коктейли смешивал, а тяжеленные валуны целыми днями таскал. Но самым необычным в его образе, пожалуй, был тонкий хвост, с помощью которого он не глядя брал бутылки с полок позади и ставил перед собой.

– Выпей все до дна, – приказным тоном сказала Хольда и залпом осушила свой стакан.

– Я не хочу пить, – отказался Флинн, принявшись к темно-коричневому напитку. Ему в нос ударил запах жженого сахара. Вероятно, это самое популярное пойло, раз весь бар пропах им насквозь.

– Возражения не принимаются, – отрезала Хольда. – Это в Чистилище ты ел и пил чисто по привычке, но сейчас это необходимость. Считай, что «Живительный нектар» – нечто вроде клея, без которого твое новое тело опять распадется на звездную пыль.

От услышанного у Флинна округлились глаза. Он моментально схватил стакан и выпил все залпом. Язык обволокла сладковато-терпкая жидкость, немного тягучая, и в голове сразу возникли воспоминания из детства: как бабушка сидела на веранде своего маленького загородного домика и пила кофе, сваренный из желудей, которые они вместе собирали в лесу неподалеку. Она делала небольшой глоток и щурилась от наслаждения, а затем отправляла в рот кусочек подсушенного бисквита. Флинн не любил кофе из желудей, но всегда составлял ей компанию, потому что в нем жила твердая уверенность, что, когда люди делят одну и ту же еду, это по-особенному сближает их.

Тем временем Шивонн, не прекращая жонглировать бутылками, с помощью хвоста достал из-под барной стойки флягу с выгравированным кроликом и начал ее наполнять. Яркие светящиеся струи влетали в узкое горлышко, и Флинну казалось, что Шивонн смешивает ему жидкую радугу.

– Готово! – сказал он, закрутив крышку и пару раз подкинув флягу, которая в конечном итоге приземлилась точно перед Флинном. – Здесь весь набор: «Живительный нектар», если

тело начнет распадаться, «Дыхание дракона», чтобы согреться после связывания себя с миром мертвых, и «Слезы единорога», чтобы очиститься от прикосновения одержимого. Хватит на неделю, если будешь разумно расходовать.

– И все это добро в одной фляге? – Флинн открыл крышку, и неоновое облако вырвалось наружу.

– Да, просто мысленно произнеси название коктейля – он сам отслоится от остальных и поднимется на самый верх, – ответил Шивонн.

– Удобно, – закивав, одобрил Флинн.

– Ко-о-ого я ви-и-ижу, – протянул кто-то позади них.

Хольда не сдержалась и, прикрыв глаза, тихо выругалась.

К ним расслабленной походкой приблизился высоченный парень. Темные корни свидетельствовали о том, что родился он брюнетом, но потом, на каком-то этапе жизни, решил, что этот цвет ему совершенно не к лицу, поэтому выкрасил волосы в бледно-зеленый. В его левом ухе покачивалась круглая серьга с подвеской в виде шипа, на правой брови – ровно по центру – была выбрита полоска, а шею обвивала татуировка, изображавшая ветку терновника. Весь облик парня кричал о том, что он тот еще бунтарь.

– Холли, ты даже не поздоровался со мной? – спросил он, облокотившись на барную стойку, и надул губы. – И это после всей той химии, которая была между нами? После всех тех бессонных ночей, проведенных вместе? – Он взял одну из ее темно-рыжих косичек, поднес к заостренному носу и глубоко вдохнул, а потом блаженно закатил глаза.

– Тигмонд, ты, наверное, сегодня головой споткнулся? – дернувшись, чтобы освободить волосы, огрызнулась Хольда. – О каких таких ночах ты говоришь? О тех, когда мы вместе патрулировали улицы Инферсити? Или о тех, когда ты видел пошлые сны обо мне? Но вообще пора бы тебе запомнить, что между нами могут быть только две вещи: работа и пропасть.

– Холли, солнышко, ну что ты несешь? Разве можно споткнуться головой? Спотыкаются ногами, – погладив ее по щеке, промурлыкал Тигмонд.

Хольда в ответ резко повернулась и попыталась цапнуть его пальцы зубами, но промахнулась: Тигмонд вовремя отвел руку в сторону.

– Раз можно думать задницей вместо мозгов – ты тому живой пример, – то почему споткнуться головой нельзя? – рявкнула она. – Все в этом мире возможно, кроме тех мерзких фантазий с моим участием, которые копошатся в твоей гнилой башке!

– А я так надеялся, что после произошедшего с Ноей ты станешь ко мне добрее, – вздохнул Тигмонд, подперев подбородок ладонью. – Нужно ценить тех, кто рядом.

– Не смей упоминать Ною своим грязным ртом. – Хольда так сильно сжала стакан, что по нему пошла трещина. – Иначе я вырву твой язык и прибью к стене своей комнаты как трофей.

– О-о-о, Холли, поверь мне, – Тигмонд наклонился к ее уху и зашептал, – мы можем найти более удачное применение для моего языка.

– Фу, немедленно прекрати! – Хольда подорвалась с места и опрокинула стул, на котором сидела. – Поганый извращуга, – злобно процедила она.

– Обожаю твою строптивость, – заулыбался Тигмонд. Он перевел мечтательный взгляд на Флинна и обратился к нему: – А ты кто?

– Это мой новый ученик, – сказала Хольда. Она подняла стул, демонстративно отодвинула его от Тигмонда и снова опустилась на мягкое сиденье.

– А-а-а, так вот почему ты перестала со мной видеться по ночам, – разочарованно произнес Тигмонд. – Граф Л подкинул тебе новичка. Кстати, парень, предупреждаю сразу: не клади глаз на мою Холли, она хоть и показывает свой характер, сопротивляется, но когда-нибудь точно станет моей.

– И в мыслях не было, – торопливо ответил Флинн.

– Хрена с два я стану твоей! Лучше сдохнуть!

– Ничего, Холли, я подожду, когда тебя снова воскресят. – Взгляд Тигмонда медленно заскользил по Хольде. – И все же Властелин Смерти настоящий чудесник: каждый раз твое тело становится все красивее и красивее.

– Тигмонд, скажи, вот почему после каждого разговора с тобой хочется пойти и принять душ? Что с тобой не так? Как у тебя вообще получается ловить одержимых?! Ты сам будто одержим демоном Похоти!

– Просто ты замечаешь только мои недостатки, Холли, а вот мои бесчисленные достоинства, напротив, упрямо игнорируешь. И да, если соберешься в душ, не забудь позвать меня, я тебе спинку потру.

– Так, все, мое терпение лопнуло. Флинн, мы уходим! – воскликнула Хольда и вскочила со стула.

Флинн схватил с барной стойки флягу и спрятал ее во внутренний карман куртки.

– Холли, ну куда ты убегаешь? Ты ведь знаешь, что от судьбы не сбежать.

– От судьбы, может быть, и нет, а вот от похотливого придурка – вполне реально!

– В следующей жизни у нас будут просто очаровательные дети, – с придыханием сказал Тигмонд.

– Настойчивый у тебя поклонник, – заметил Флинн, поравнявшись с Хольдой.

– Если он и дальше будет таким настойчивым – клянусь! – собственными руками сброшу его в Лимб!

Она нырнула в узкий коридор слева от барной стойки, заканчивавшийся серебристой дверью. На ней был изображен лежащий на спине черный кролик, который держал в лапе коктейльный бокал с оливками внутри. Флинн вспомнил, что раньше уже видел этого ушастого пьянчугу: на вывеске над входом в кабаре «Черный кролик».

– Готов к миру живых? – спросила Хольда, обернувшись.

Он опустил глаза. Понизу, прошмыгнув в щель между полом и дверью, тянулись десятки сияющих нитей. Видимо, сейчас Инферсити просто кишит посыльными Смерти.

– Главное, чтобы он был готов ко мне, – попытался пошутить Флинн.

Хольда покачала головой и открыла дверь. В коридор ворвался зажигательный джаз вперемишку с громким смехом и звоном бокалов. Сердце Флинна сделало в груди кульбит и чуть не вырвалось наружу, волнение застряло в горле, не давая вздохнуть. Его одновременно разрывали два противоречивых желания: тело мечтало со всех ног ворваться в мир живых, а вот душа была готова выпрыгнуть и бежать обратно в мир мертвых – и они никак не могли договориться, поэтому Флинн застыл на пороге: еще не в этом мире, но уже и не в том.

– Помочь? – предложила Хольда, которая уже перешла границу.

Флинн молча кивнул, смущенный своей нерешительностью.

– Все нормально, – утешила она, протягивая руку, – просить о помощи – не стыдно, если не можешь справиться сам.

Он покрепче схватился за ее руку в районе локтя. Хольда потянула Флинна на себя, и золотая нить, связывавшая его с миром мертвых, натянулась гитарной струной и зазвенела. Ему показалось, что сейчас душа действительно оторвется от тела и полетит обратно в Потусторонье – настолько сильным было натяжение нити. Хольда сделала еще пару рывков, которые, к сожалению, не увенчались успехом.

– Черт, кажется, ты застрял! – краснея от натуги, прокряхтела она.

Хольда отпустила его руку и тыльной стороной ладони вытерла свой лоб, покрывшийся бусинками пота.

– И что же делать? – спросил Флинн и попытался шагнуть назад, но у него не вышло: он конкретно застрял. Увяз меж двух миров.

– У-у-у, вижу, что без меня вы тут не справитесь, – протянул подошедший сзади Тигмонд.

– Ой, проваливай, Тигмонд, как-нибудь без тебя разберемся! – огрызнулась Хольда.

– Не-а, – возразил тот. – Без моего волшебного пинка новенький будет еще век тут торчать.

– Без чего? – переспросил Флинн и сразу же почувствовал толчок.

Он пошатнулся и упал прямо на Хольду, повалив ее на пол. Она сдавленно простонала что-то нечленораздельное (скорее всего, опять ругательства).

– Нет, нет, нет, парень, мы же договорились, что Холли – моя, – сказал Тигмонд и рывком поднял Флинна на ноги. – Не падай на чужих будущих девушек.

– Тигмонд, сделай доброе дело – исчезни, – прохрипела все еще лежавшая на полу Хольда.

Флинн подал ей руку и помог встать.

– И это твоя благодарность за помощь? – спросил Тигмонд. – Тебе повезло, что я терпеливый и не умею долго обижаться. И помни, моя сладкая Холли: для тебя я сделаю все что угодно. Дам под зад не только тщедушному недопризраку, но и всем одержимым Инферсити.

– Смотри ногу не сломай.

– Твоя забота обо мне не знает границ.

– Вали уже! – рывкнула Хольда, и висевшие на стенах лампы испуганно мигнули.

– Ладно, я ухожу, – сдался Тигмонд, подняв руки, – но не потому, что ты меня гонишь, а потому, что не хочу пересекаться с нашим «замечательным», – он пальцами показал в воздухе кавычки, – Графом Л. Чем реже попадаешься на глаза начальству, тем меньше проблем.

Когда Тигмонд удалился, Хольда подошла к двери, разделявшей два мира, и захлопнула ее. Внешняя сторона двери оказалась другого цвета – черного, и кролик на ней отличался от предыдущего: он был серебристым и вместо бокала держал в лапах маленькое ручное зеркальце.

– То есть граница миров проходит между «Черным кроликом» и «Зеркальным»? – уточнил Флинн.

– Да, – сказала Хольда, – к твоему сведению, кабаре «Черный кролик» принадлежит Графу Л.

– Я ничуть не удивлен.

– Угу, давай, нам нужно найти Графа Л перед слежкой. Его граффити постоянно сообщают ему о всяком подозрительном, что творится в Инферсити. Он нам подскажет, где искать одержимых. – Хольда жестом приказала следовать за ней.

«Черный кролик» совсем не изменился с того момента, как Флинн был тут в последний раз: за круглыми столиками сидели толстосумы, обсуждая крайне важные дела с другими толстосумами, между ними умело лавировали официантки с подносами, затянутые в тугие корсеты (бедняжки, в них же, наверное, не вздохнуть!), а на сцене, пытаясь переключить внимание публики на себя, танцевали размалеванные девицы в перьях.

Все вокруг было знакомым и одновременно чужим, как будто Флинн вернулся в бабушкин дом, порог которого не переступал долгие годы. Память откликнулась, говорила с ним: «Да-да, я помню каждую мелочь, все стоит на своих местах, ничего не изменилось!» А вот сердце молчало, ведь, несмотря на новое тело, Флинн теперь принадлежал миру мертвых – и тянувшаяся от его шеи золотая нить была тому доказательством. Он здесь чужак.

– Непривычно, да? – Вкрадчивый голос Хольды вывел Флинна из леса собственных мыслей, в котором он ненадолго потерялся.

– Кажется, что я попал на другую планету.

– Нет, это не планета другая, это ты другой, – улыбнулась Хольда, и в ее глазах он увидел то, в чем так сильно сейчас нуждался, – понимание.

Наверняка она чувствовала то же самое, когда впервые оказалась в мире живых после своей смерти. И Флинн немного успокоился, ведь не так страшно ступать на неизведанный путь, если рядом с тобой тот, кто уже прошел его.

Графа Л они нашли быстро. Он сидел на полукруглом диване, который был отделен от главного зала несколькими слоями тюля, и, как обычно, неспешно потягивал сиреневый дым из кальяна со сплетнями.

– Добро пожаловать, мои зоркие птенчики, – сказал Граф Л, не отрывая глаз от толстой книги, лежавшей на его коленях.

– Что там насчет Безумного? – спросила Хольда, нервно подергивая правой рукой, как будто представляла, что в ней бита, а перед глазами кучка отморозков, которых нужно размазать по стенке.

– Решила перейти сразу к делу? Молодец, моя девочка, – одобрил Граф Л, небрежно перелистывая страницу, хотя книга выглядела настолько старой, что Флинн удивлялся, как пожелтевшие листы еще не рассыпались от одного только взгляда на них. – Сейчас послушаем, что мои болтливые граффити смогли узнать. – Зрачки Графа Л утонули в фиолетовых радужках. – Так, так, так... Злобный Мышь сказал, что сегодня в его районе пахло паленым. Хм... нет, ложная тревога, это просто кто-то поджег мусорный бак. Неясный Силуэт, хватит бормотать, я ни слова не могу разобрать. – Он нахмурил густые брови. – Ага, понятно, ничего подзрительного не видел. Так, кто у нас там дальше? Ничего, опять ничего, хм, совсем ничего... О! Кажется, что-то есть. Мрачная Горничная говорит, что пару часов назад видела несколько задымлений. Вполне возможно, что твой Безумный ошивается где-то рядом.

– Напомни, где ты нарисовал Мрачную Горничную? – спросила Хольда.

– В шестом районе, на Юго-Западной улице, – ответил Граф Л, и его зрачки вынырнули обратно из глубин фиолетовых радужек.

– Поняла, – сказала она, развернулась и ушла прочь.

– Ну и почему мы стоим? – поинтересовался Граф Л у Флинна. – Давай, догоняй свою бесстрашную наставницу.

Флинн сначала растерялся, а потом кивнул и бросился за Хольдой, но вдруг запутался в тюле и чуть не грохнулся на пол.

– Намучается же она с тобой, – покачал головой Граф Л, наблюдая за тем, как Флинн вступил в бой с тюлем, чтобы вырваться из его плена.

Наконец-то отвоевав свободу, он бросился к лестнице, где его ждала Хольда.

– Хватит тормозить, – строго сказала она и стала подниматься по ступеням.

– Прости, – стушевался Флинн и последовал за ней. – А кто этот Безумный?

– Одержимый, которого я преследую вот уже семь месяцев.

– Ты одна еголовишь, что ли?

– Нет, другие тоже пытаются поймать его, но сделать это весьма сложно...

– Он очень опасный?

– Хм-м-м, даже не знаю... Можно ли назвать очень опасным того, кто может запросто сжечь весь Инферсити в огне Безумия?

9

Город живых

Инферсити решил отметить возвращение Флинна в мир живых дурным предзнаменованием: по небу текла черная река. Тысячи воронов летели над пустынными улицами, разрывая тишину пронзительным криком. Алый закат отражался в окнах небоскребов, и казалось, что Инферсити пылает.

У входа в кабаре дежурил все тот же охранник-громила в черной маске кролика. Он жестом остановил Хольду, достал из кармана карточку и протянул ей.

– Всего тринадцать часов?! – возмутилась Хольда. На темно-фиолетовой бархатной бумаге было указано время – 13:11. – Бенни, ты ничего не перепутал? Почему так мало?

Охранник молча помотал головой, дескать, нет никакой ошибки. Он перевернул карточку, на обратной стороне которой было написано: «Хольда Рандгрид».

– Понятно, – раздраженно втянув сырой воздух, сказала Хольда. Она выхватила у охранника карточку и засунула ее в карман своей куртки. – А ему сколько времени выделили? – Хольда кивнула в сторону Флинна.

Охранник достал еще одну карточку, 09:02 – значилось на ней.

– Еще лучше, – проворчала Хольда. – Мне придется вернуться раньше, я ведь не могу бросить новичка одного. Замечательно, Граф Л, просто великолепно, ты такой молодец. Начальника лучше и найти нельзя.

Флинн забрал у охранника свою карточку и перевернул ее. Ну да, все верно, на другой стороне было его имя: «Флинн Морфо». И в этот раз Бенни не ошибся.

– Девять часов, всего девять часов! – продолжала негодовать Хольда. – А раньше нам давали не меньше суток!

– И что будет через девять часов? – спросил Флинн, пряча свою карточку в задний карман штанов.

– Не вернешься за это время в мир мертвых – твоя нить истончится. Одно неверное движение – и она порвется, а уж тогда... пиши пропало.

Наступившие сумерки потушили алые отблески в окнах домов, и Инферсити ненадолго погрузился в полумрак (пока не начали зажигаться фонари). Улицы, дышавшие ноябрьским холодом, наполнились прохожими. Суровый ветер набрал силу и творил все, что вздумается: подхватывал пожухлую листву, кружа ее в осеннем танце, бесцеремонно забираясь под одежду, вызывая мелкую дрожь, бил в окна и протяжно свистел.

Грусть легла Флинну на плечи, заставив его сгорбиться и опустить взгляд. Ему было тяжело смотреть на Инферсити – но вовсе не потому, что он откровенно не любил этот двуликий город, нет. Причина крылась в другом: все вокруг напоминало Флинну о его горькой потере – о его непрожитой жизни. Он ведь больше не повзрослеет, не найдет любимое дело, которому захотел бы посвятить остаток дней, никогда не создаст семью. Флинн попытался представить себя стариком: с морщинами, седыми волосами и с огромным багажом опыта за спиной. Интересно, смог бы он тогда обернуться, взглянуть на свою жизнь и сказать: «Да, я прожил ее не зря, я все успел»? Столько возможностей, столько желаний, столько непрожитых лет – и все это он потерял из-за одного ублюдка... Все это отняли у него силой.

– Почему притих? – голос Хольды пробился сквозь рой мыслей, заполнивших голову Флинна, и добрался до его сознания. – То вопросами забрасываешь беспрерывно, то молчишь как рыба.

– Да так... – Флинн еще сильнее ссутулился, будто хотел спрятаться в свою куртку, как улитка в раковину. – Всякое в голову лезет.

– А-а-а, – понимающе протянула Хольда. – Тоска по жизни замучила, верно?

– Что-то вроде того. Слушай, – он решил перескочить на другую тему, – а почему мой духовный напарник молчит? Столько времени прошло... Я уже начинаю думать, что не нравлюсь ему.

– Нет, древние никогда не ошибаются, – улыбнулась Хольда. – Знаешь что? Дай ему имя, это должно укрепить вашу связь.

– Имя? – переспросил Флинн.

– Да, я вот, например, свою стрелу назвала Химерой.

– Почему?

– Она хранит в себе частички трех разных душ: дерева, металла и птицы, у которой взяли перо для нее. Поэтому я и дала ей имя в честь мифической Химеры, – сказала Хольда и вдруг напряглась.

Мимо них, пошатываясь, прошел мужчина лет сорока. Небритый, с плотным шлейфом самого дешевого пойла, с пожелтевшей кожей и мешками под глазами. Между болезненными стонами из его беззубого рта иногда вылетали едва разборчивые ругательства. За мужчиной шел тот, кого Флинн отлично знал, – Танат. В его непроницаемом лице, бесстрастном взгляде и твердой походке чувствовалось нечто неотвратимое. Подойдя ближе, он остановился, посмотрел на Хольду, потом на Флинна, кивнул в знак приветствия и продолжил свой путь.

– Что это было? – спросил ошарашенный Флинн.

– А разве не узнал? – хмыкнула Хольда.

– Узнал, но что он тут делает?

– Как что? Работает. Вон, смотри, – она большим пальцем указала на пьяного мужчину, – скоро заберет душу этого алкаша.

– И мы ничего не сделаем?

– А что можно сделать со Смертью? Только принять ее.

– А если бороться?

– Бороться нужно до того, как придет Смерть. Потом – поздно.

Флинн кинул сочувственный взгляд в сторону мужчины, представляя себе, как тот падает, выпускает последний вздох – и его душу подхватывает сама Смерть, чтобы отнести в мир мертвых.

Мрачную Горничную они нашли на боковой стене старого кинотеатра. Ее широкое, немного квадратное лицо, обрамленное двумя черными косами, не обладало особой красотой, но при этом оно невольно притягивало взгляд. В руках она держала поднос, на котором лежал человеческий череп, сжимавший в зубах синюю розу. Флинн не очень разбирался в истории моды, но ему показалось, что на девушке была форма Федорианской эпохи: длинное темное платье, белый чепец и такого же цвета фартук с кружевами.

– Граф Л сказал, что сегодня ты видела задымление, – начала Хольда таким тоном, будто вела допрос. – Покажи, в каком именно месте.

Мрачная Горничная поджала тонкие губы и отвела глаза в сторону, как бы давая понять, что не потерпит подобного обращения.

– Ладно. Пусть будет по-твоему, – сквозь зубы произнесла Хольда. – Милинда, душка моя, покажи, пожалуйста, где ты видела задымление. – Она буквально выжимала из себя каждое слово.

– Еще, – потребовала Мрачная Горничная с нескрываемым превосходством.

– Милинда, – почти прошипела Хольда, но, прикрыв веки, перешла на доброжелательный тон: – Лапочка моя ненаглядная, нам очень нужно знать, где ты видела задымление.

– Вон там, – самодовольно ответила Мрачная Горничная и указала на здание детского приюта. – И там тоже, – добавила она, направив палец на шпиль ипокрианского храма.

– Спасибо, зайныка, – растянув губы, поблагодарила Хольда.

– Обращайся, – сказала Мрачная Горничная, и череп на ее подносе застучал зубами.

Хольда возвела глаза к небу, покачала головой и пошла вдоль улицы. Когда они отошли достаточно далеко, Флинн негромко произнес:

– А я и не знал, что у граффити кроме прозвищ есть имена.

– Имя есть только у Мрачной Горничной. Она потребовала его у Графа Л, ведь «я не просто рисунок на стене, я личность, и поэтому требую к себе подобающего отношения». – Хольда довольно умело изобразила тягучий голос Мрачной Горничной.

Оказавшись напротив детского приюта, Флинн уже был готов перейти дорогу, но Хольда не остановилась, а пошла дальше.

– Куда ты? Приют же там, – растерянно сказал он.

– Нам будет удобнее наблюдать за всем с крыши.

– Но если опустится туман, то на его фоне будет трудно заметить дым.

– Поверь, этот дым ты сможешь заметить даже с другого конца Инферсити, – серьезно ответила она, открывая обшарпанную дверь одного из жилых домов.

Хольда быстро преодолевала пролет за пролетом, иногда перескакивая через две ступени, и Флинн, глядя ей в спину, думал, что она сейчас напоминала стрелу, которая летела точно в цель. У него промелькнула мысль, что душа стрелы не просто так выбрала ее в напарники: они были чем-то похожи. Значит, и змей выбрал Флинна по той же причине? Интересно, что же у них общего?

Перед глазами проносились похожие друг на друга двери, да и люди за ними, наверное, проживали похожие жизни. В детстве, смотря ночью на желтые окна квартир, он верил, что за каждым происходило что-то невероятно увлекательное, и только немного повзрослев, он с грустью понял, насколько же был наивен. И все же... в его груди поселилось клубящееся угрюмое чувство – зависть. Флинн завидовал всем этим людям: он бы сейчас отдал все что угодно, чтобы оказаться на их месте.

Когда они добрались до верхнего этажа, их ждал неприятный сюрприз. Проржавевшая дверь, на которой какая-то влюбленная парочка написала свои инициалы в окружении корявого сердца, оказалась заперта – на крышу никак не попасть. Флинн хотел предложить снести дверь с петель (для этой рухляди хватило бы и одного удара), но Хольда достала из кармана путеводитель Ариадны, приложила его к замочной скважине и прошептала:

– Открой мне путь.

Послышался щелчок, и дверь со скрипом отворилась. На крыше, лизнув щеки и нос влажной прохладой, их встретил сизый туман. Он буквально за несколько минут опустился на Инферсити, обняв деревья и дома.

Хольда подошла к краю крыши, и ее цепкий взгляд устремился в толщу тумана, но вряд ли у нее получилось рассмотреть хоть что-то: даже очертания зданий напротив терялись в сизой пелене.

– Ну и сырость, – пожаловался Флинн, спрятав ладони под мышки.

– Выпей «Дыхание дракона», чтобы согреться, – не отрывая глаз от тумана, посоветовала Хольда.

Флинн сел на старый диван (видимо, кто-то из жильцов любил подышать свежим воздухом, поэтому и притащил его сюда), и одна из пружин врезалась ему в бедро. Он негромко чертыхнулся и сдвинулся в сторону, но и там комфорта не нашел: поролон в той части дивана превратился в труху – и теперь там была впадина. Флинн залез во внутренний карман куртки, достал серебристую флягу и, как и учил Шивонн, мысленно произнес название нужного коктейля, затем открыл крышку и отпил из фляги. Жар внутри него достал до самых костей,

хорошенько прогрел их. Из рта снова повалил дым вперемешку с искрами, но на этот раз Флинн не закашлялся. Забавляясь, как мальчишка, он попытался пускать дымовые кольца, но даже с двадцатого раза у него ничего не вышло.

– Хольда, у тебя есть часы?

– Нет, – сказала она.

– Черт, а как мы узнаем, сколько времени у нас осталось? – спросил Флинн с нарастающим чувством тревоги.

– Глянь на свою карточку – все поймешь, – спокойно ответила она.

Флинн поднялся с дивана и залез в задний карман штанов. На темно-фиолетовой бархатной бумаге было все так же указано время, но вот только уже другое – 07:53. Он моргнул от удивления, и еще одна минута утекла в прошлое: теперь на карточке значилось – 07:52.

– Время еще есть... Слушай, если вдруг появится Безумный, а мое время будет на исходе, то я и сам смогу вернуться в Потусторонье, – сказал он, спрятав карточку обратно в карман.

– Ну да, конечно, – отозвалась Хольда. – А потом я и Граф Л будем искать тебя где-нибудь в глотке Первой Тьмы.

– Вообще-то, я там уже бывал, – признался Флинн.

– Блин, с тобой и пошутить нельзя, все правдой окажется, – сказала Хольда и прыснула со смеху. – Бедовый ты парень, Флинн Морфо.

– Ага, постоянно то в дерьмо, то в приключения вляпываюсь, – с улыбкой произнес он.

– То в дерьмовые приключения, – весело добавила она.

– Так мы, получается, высматриваем одержимого демоном Безумия? – Флинн решил перейти к расспросам. Должен же он наконец-то во всем разобраться!

– Именно, – подтвердила Хольда.

– Только вот я не понял, при чем тут задымления.

– Ну... помнишь, как у Фанабер пошла черная слюна? – спросила Хольда, и Флинн кивнул. – Это была суллема – так называется яд, который течет из отравленной души одержимого. И она бывает разной. Например, у Безумного это дым и огонь. Реже искры.

– И Фанабер отравила меня этой суллемой?

– Да, отравила. Когда ты валялся без сознания, мы с Графом Л напоили тебя «Слезам единого рога», это помогло очистить твоё тело, но суллема успела проникнуть глубже – в твою душу. Если бы не твой напарник, то я бы сейчас с тобой не разговаривала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.